

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://to1stoyleo.ru/> приятного чтения!

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой

комедия в четырех действиях.

Действующие лица

Леонид Федорович Звездинцев, отставной поручик конной гвардии, владетель 24 тысяч десятин в разных губерниях. Свежий мужчина, около 60 лет, мягкий, приятный, джентльмен. Верит в спиритизм и любит удивлять других своими рассказами.

Анна Павловна Звездинцева, его жена, полная, молодящаяся дама, озабоченная светскими приличиями, презирающая своего мужа и слепо верящая доктору. Дама раздражительная.

Бетси, их дочь, светская девица, лет 20-ти, с распущенными манерами, подражающими мужским, в *rinse-nez* [1]. кокетка и хохотунья. Говорит очень быстро и очень отчетливо, поджимая губы, как иностранка.

Василий Леонидыч, их сын, 25-ти лет, кандидат юридических наук, без определенных занятий, член общества велосипедистов, общества конских ристалищ и общества поощрения борзых собак. Молодой человек, пользующийся прекрасным здоровьем и несокрушимой самоуверенностью. Говорит громко и отрывисто. Либо вполне серьезен, почти мрачен, либо шумно-весел и хохочет громко.

Алексей Владимирович Кругосветлов, профессор. Ученый, лет 50-ти, с спокойными, приятно самоуверенными манерами и такую же медлительную, певучей речью. Охотно говорит. К не соглашающимся с собой относится кротко-презрительно. Много курит. Худой, подвижный человек.

Доктор, лет 40, здоровый, толстый, красный человек. Громогласен и груб. Постоянно самодовольно посмеивается.

Марья Константиновна, девица лет 20-ти, воспитанница консерватории, учительница музыки, с махрами на лбу, в преувеличенно модном туалете, заискивающая и конфузящаяся.

Петрищев, лет 28, кандидат филологических наук, ищущий деятельности, член тех же обществ, как и Василий Леонидыч, и, кроме того, общества устройства ситцевых и коленкорových балов. Плешивый, быстрый в движениях и речи и оцепь учтивый.

Баронесса, важная дама, лет 50-ти, неподвижная, говорит без интонаций.

Княгиня, светская дама, гостья.

Княжна, светская девица, гримасница, гостья.

Графиня, древняя дама, насилу движущаяся, с фальшивыми буклями и зубами.

Гросман, брюнет еврейского типа, очень подвижный, нервный, говорит очень громко.

Толстая барыня, Марья Васильевна Толбухина, очень важная, богатая и добродушная дама, знакомая со всеми замечательными людьми, прежними и теперешними. Очень толстая, говорит поспешно, стараясь переговорить других. Курит.

Барон Клингген (Коко), кандидат Петербургского университета, камер-юнкер, служащий при посольстве. Вполне correct [2] и потому спокоен душою и тихо весел.

Дама.

Барин (без слов).

Сахатов, Сергей Иванович, лет 50-ти, бывший товарищ министра, элегантный господин, широкого европейского образования, ничем не занят и всем интересуется. Держит себя достойно и даже несколько строго.

Федор Иваныч, камердинер, лет под 60. Образованный и любящий образование

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru человек, злоупотребляющий употреблением pinse-nez и носового платка, который он медленно разворачивает. Следит за политикой. Человек умный и добрый.

Григорий, лакей, лет 28, красавец собой, развратный, завистливый и смелый.

Яков, лет 40, буфетчик, суетливый, добродушный, живущий только деревенскими семейными интересами.

Семен, буфетный мужик, лет 20. Здоровый, свежий, деревенский малый, белокурый, без бороды еще, спокойный, улыбающийся.

Кучер, лет 35. Щеголь, с усами только, грубый и решительный.

Старый повар, лет 45, лохматый, небритый, раздутый, желтый, трясущийся, в нанковом летнем оборванном пальто и грязных штанах и опорках, говорит хрипло. Слова вырываются из него как бы через преграду.

Кухарка, говорунья, недовольная, лет 30.

Швейцар, отставной солдат.

Таня, горничная, лет 19-ти, энергичная, сильная, веселая и быстро изменяющая настроение девушка. В минуты сильного возбуждения радости взвизгивает.

1-й мужик, лет 60-ти, ходил старшиной, полагает, что знает обхождение с господами, и любит себя послушать.

2-й мужик, лет 45, хозяин, грубый и правдивый, не любит говорить лишнего. Отец Семена.

3-й мужик, лет 70-ти, в лаптях, нервный, беспокойный, торопится, робеет и разговором заглушает свою робость.

1-й выездной лакей графини. Старик старого завета, с лакейской гордостью.

2-й выездной лакей, огромный, здоровый, грубый.

Артельщик из магазина. В синей поддевке, с чистым румяным лицом. Говорит твердо, внушительно и ясно.

Действие происходит в столице, в доме Звездинцевых.

Действие первое

Театр представляет переднюю богатого дома в Москве. Три двери: наружная, в кабинет Леонида Федоровича и в комнату Василья Леонидыча. Лестница наверх, во внутренние покои; сзади нее проход в буфет.

Явление первое

Григорий (молодой и красивый лакей, глядится в зеркало и прихорашивается).

Григорий. А жаль усов! Не годится, говорит, лакею усы! А отчего? Чтобы видно было, что ты лакей. А то как бы не превзошел сына ее любезного. И есть кого! Хоть и без усов, а далеко ему... (Вглядывается с улыбкой.) И сколько их за мной волочатся! Только никто вот не нравится, как Таня эта! Простая горничная! Нда! А вот лучше барышни. (Улыбается.) Да и мила! (Прислушивается.) Вот, она и есть! (Улыбается.) Вишь, постукивает каблучками... в-ва!..

Явление второе

Григорий и Таня (с шубкой и ботинками).

Григорий. Татьяне Марковне мое почтение!

Таня. Что, смотрите всё? Думаете, очень из себя хороши?

Григорий. А что, неприятен?

Таня. Так, ни приятен, ни неприятен, а середка на половину. Что ж это у вас шубы-то понавешаны?

Григорий. Сейчас, сударыня, уберу. (Снимает шубу и накрывает ею Таню, обнимая ее.) Таня, что я тебе скажу...

Таня. Ну вас совсем! И к чему это пристало! (Сердито вырывается.) Говорю же, оставьте!

Григорий (оглядывается). Поцелуйте же.

Таня. Да что вы в самом деле пристали? Я вас так поцелую!.. (Замахивается.)

Василий Леонидыч. (За сценой слышен звонок и потом крик.) Григорий!

Таня. Вон, идите, Василий Леонидыч зовет.

Григорий. Подождет, он только глаза продрал. Слушай-ка, отчего не любишь?

Таня. И какие такие любви выдумали! Я никого не люблю.

Григорий. Неправда, Семку любишь. И нашла же кого, буфетного мужика сиволапого!

Таня. Ну, какой ни на есть, да вот вам завидно.

Василий Леонидыч (за сценой). Григорий!

Григорий. Поспеешь!.. Есть чему завидовать! Ведь ты только начала образовываться и с кем связываешься? То ли дело меня бы полюбила... Таня...

Таня (сердито и строго). Говорю, не будет вам ничего.

Василий Леонидыч (за сценой). Григорий!!!

Григорий. Уж очень строго себя ведете.

Василий Леонидыч (за сценой, упорно, ровно, во всю мочь кричит). Григорий! Григорий!

Таня и Григорий смеются.

Григорий. Меня ведь какие любили!

Звонок.

Таня. Ну и идите к ним, а меня оставьте.

Григорий. Глупая ты, посмотрю. Ведь я не Семен.

Таня. Семен жениться хочет, а не глупости.

Явление третье

Григорий, Таня и артельщик (несет большой картон с платьем).

Артельщик. С добрым утром!

Григорий. Здравствуйте. От кого?

Артельщик. От Бурде, с платьем, да вот записка барыне.

Таня (берет записку). Посидите тут, я подам. (Уходит.)

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

Явление четвертое

Григорий, артельщик и Василий Леонидыч (высовывается из двери в рубашке и туфлях).

Василий Леонидыч. Григорий!

Григорий. Сейчас!

Василий Леонидыч. Григорий! разве не слышишь!

Григорий. Я только пришел.

Василий Леонидыч. Воды теплой и чаю.

Григорий. Сейчас Семен принесет.

Василий Леонидыч. А это что? От Бурдые?

Артельщик. Так точно-с.

Василий Леонидыч и Григорий уходят. Звонок.

Явление пятое

Артельщик и Таня (вбегает на звонок и открывает дверь).

Таня (артельщику). Подождите.

Артельщик. И так дожидаюсь.

Явление шестое

Артельщик, Таня и Сахатов (входит в дверь).

Таня. Извините, сейчас вышел лакей. Да вы пожалуйста. Позвольте! (Снимает шубу.)

Сахатов (оправляясь). Дома Леонид Федорович? Встали?

Звонок.

Таня. Как же, давно уж!

Явление седьмое

Артельщик, Таня и Сахатов. Входит доктор.

Доктор (ищет лакея. Увидав Сахатова, с развязностью). А? мое почтение!

Сахатов (пристально вглядывается). Доктор, кажется?

Доктор. А я думал, что вы за границей. К Леониду Федоровичу?

Сахатов. Да. А вы что же? Болен разве кто?

Доктор (посмеиваясь). Не то чтобы болен, а, знаете, с этими барынями беда! До трех часов каждый день сидит за винтом, а сама тянется в рюмку. А барыня сырая, толстая, да и годочков-то немало.

Сахатов. Вы так и Анне Павловне высказываете ваш диагноз? Ей не нравится, я думаю.

Доктор (смеясь). Что же, правда. Все эти штуки проделывают, а потом расстройство пищеварительных органов, давление на печень, нервы, – ну, и пошла писать, а ты ее подправляй. Беда с ними! (Посмеивается.) А вы что? Вы, кажется, спирт тоже?

плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru

Сахатов. Я? Нет, я не спирт тоже... Ну, мое почтение! (Хочет идти, но доктор останавливает.)

Доктор. Нет, ведь я тоже не отрицаю вполне, когда такой человек, как Кругосветлов, принимает участие. Нельзя же! Профессор, европейская известность. Что-нибудь да есть. Хотелось бы как-нибудь посмотреть, да все некогда, другое дело есть.

Сахатов. Да, да. Мое почтение! (Уходит с легким поклоном.)

Доктор (Тане). Встали?

Таня. В спальне. Да вы пожалуйста.

Сахатов и доктор расходятся в разные стороны.

Явление восьмое
Артельщик, Таня и Федор Иваныч (входит с газетой в руках).

Федор Иваныч (к артельщику). Вы что?

Артельщик. От Бурде, с платьем да с запиской. Велели подождать.

Федор Иваныч. А, от Бурде! (к Тане.) Кто это прошел?

Таня. Сахатов, Сергей Иваныч, и еще доктор. Они тут постояли, поговорили. Все о спиритичестве.

Федор Иваныч (поправляя). Об спиритизме.

Таня. Да я и говорю об спиритичестве. А вы слышали, Федор Иваныч, как прошлый раз удалось хорошо? (Смеется.) И стучало, и вещи перелетали.

Федор Иваныч. А ты почему знаешь?

Таня. А Лизавета Леонидовна сказывали.

Явление девятое
Таня, Федор Иваныч, артельщик и Яков-буфетчик (бежит с стаканом чаю).

Яков (к артельщику). Здравствуйте!

Артельщик (грустно). Здравствуйте.

Яков стучит в дверь к Василью Леонидычу.

Явление десятое
Те же и Григорий.

Григорий. Давай.

Яков. А стаканы вчерашние всё не принесли, да и поднос от Василья Леонидыча. Ведь с меня спросят.

Григорий. Поднос занят у него с сигарками.

Яков. Так вы переложите. Ведь с меня взыскивают.

Григорий. Принесу, принесу!

Яков. Вы говорите, принесу, а его нет. Намедни хватились, а подавать не на чем.

Григорий. Да принесу, говорю. Эка суета!

Яков. Вам хорошо так говорить, а я вот третий чай подавай да завтракать собирай. Треплешься, треплешься день-деньской. Есть ли у кого в доме больше моего дела? А все нехорош!

Григорий. Да уж чего лучше? Вишь, как хорош!

Таня. Вам все нехороши, только вы один...

Григорий (к Тане). Тебя не спросили! (Уходит.)

Явление одиннадцатое

Таня, Яков, Федор Иваныч в артельщик.

Яков. Да что, я не обижаюсь, Татьяна Марковна, барыня не говорила ничего про вчерашнее?

Таня. Это об лампе-то?

Яков. И как это она вырвалась из рук, бог ее знает. Только стал обтирать, хотел перехватить, – вышмыгнула как-то... В мелкие кусочки! Все мое несчастье! Ему хорошо, Григорию-то Михайлычу, говорить, как он один головой, а вот как семья? Ведь тоже надо обдумать да прокормить. Я на труды не смотрю. Так ничего не говорила? Ну, и слава богу! А ложечки у вас, Федор Иваныч, одна или две?

Федор Иваныч. Одна, одна. (Читает газету.)

Яков уходит.

Явление двенадцатое

Таня, Федор Иваныч и артельщик. Слышен звонок. Входят Григорий с подносом и швейцар.

Швейцар (Григорию). Доложите барину, мужики из деревни.

Григорий (указывая на Федора Иваныча). Дворецкому доложи, а мне некогда. (Уходит.)

Явление тринадцатое

Таня, Федор Иваныч, швейцар и артельщик.

Таня. Откуда мужики?

Швейцар. Из Курской, кажется...

Таня (взвизгивает). Они... Это Семенов отец о земле. Пойду встречу. (Бежит.)

Явление четырнадцатое

Федор Иваныч, швейцар и артельщик.

Швейцар. Так как скажете: пустить их сюда или как? Они говорят – об земле, барин знает.

Федор Иваныч. Да, о покупке земли. Так, так. Гость у него теперь. Ты вот что: скажи, чтоб подождали.

Швейцар. Где ж ждать?

Федор Иваныч. Пусть на дворе подождут, я тогда вышлю.

Швейцар уходит.

Явление пятнадцатое

Федор Иванович, Таня, за ней три мужика, Григорий и артельщик.

Таня. Направо. Сюда, сюда!

Федор Иванович. Я не велел пускать было сюда.

Григорий. То-то, егоза!

Таня. Да ничего, Федор Иванович, они тут с краюшка.

Федор Иванович. Натопчут.

Таня. Они ноги обтерли, да я и подотру. (Мужикам.) Вот тут и станьте.

Мужики входят, несут гостинцы в платках: кулич, яйца, полотенца, ищут, на что креститься. Крестятся на лестницу, кланяются Федору Ивановичу и становятся твердо.

Григорий (Федору Ивановичу). Федор Иванович! вот говорили, от Пироне фасонисты щиблетки, уж это чего лучше у этого-то? (Показывает на третьего мужика в чунях.)

Федор Иванович. Все вам только пересмеивать людей!

Григорий уходит.

Явление шестнадцатое

Таня, Федор Иванович и три мужика.

Федор Иванович (встает и подходит к мужикам). Так вы самые курские, о покупке земли?

1-й мужик. Так точно. Происходит, примерно, насчет свершения продажи земли мы. Доложить бы как?

Федор Иванович. Да, да, знаю, знаю. Подождите здесь, я сейчас доложу. (Уходит.)

Явление семнадцатое

Таня и три мужика. Василий Леонидыч (за сценой). Мужики оглядываются, не знают, куда деть гостинцы.

1-й мужик. Как же, значит, это, не знаю, как назвать, на чем бы подать? Хворменно, чтоб предмет исделать. Блюдце бы, что ли?

Таня. Сейчас, сейчас. Давайте сюда; покамест вот так. (Ставит на диванчик.)

1-й мужик. Это какого звания, примерно, почтенный подходил-то к нам?

Таня. Это камердин.

1-й мужик. Прямое дело, камердин. В распоряжении, значит, тоже. (К Тане.) А вы, примерно, тоже при услужении будете?

Таня. В горничных я. Ведь я тоже деменская. Я ведь вас знаю, и вас знаю, только этого дяденьку не знаю. (Указывает на третьего мужика.)

3-й мужик. Тех вознала, а меня не вознала?

Таня. Вы Ефим Антоныч?

1-й мужик. Двистительно.

Таня. А вы Семенов родитель, Захар Трифоновч?

2-й мужик. Верно.

3-й мужик. А я, скажем, Митрий Чиликин. Вознала теперь?

Таня. Теперь и вас звать будем.

2-й мужик. Ты чья же будешь?

Таня. А Аксиныи, солдатки покойной, сирота.

1-й и 3-й мужики (с удивлением). Ну-у?!

2-й мужик. Недаром говорится: дай за поросенка грош, посади в рожь, он и будет хорош.

1-й мужик. Двистительно. Сходственно, вроде как мамзель.

3-й мужик. Это как есть. О господи!

Василий Леонидыч (за сценой звонит, а потом кричит). Григорий! Григорий!

1-й мужик. Кто ж это так очень себя беспокоит, примерно?

Таня. Молодой барин это.

3-й мужик. О господи! Сказывал, пока что, лучше бы наружу подождали.

Молчание.

2-й мужик. Тебя-то Семен замуж берет?

Таня. А разве он писал? (Закрывается фартуком.)

2-й мужик. Стало, писал! Да не дело задумал. Избаловался, вижу, малый.

Таня (живо). Нет, он ничего не избаловался. Послать его вам?

2-й мужик. Чего посылать-то. Дай срок. Успеем!

Слышны отчаянные крики Василья Леонидыча: «Григорий! черт тебя возьми!»

Явление восемнадцатое

Те же. Из двери Василии Леонидыч (в рубашке, надевает pinse-nez).

Василий Леонидыч. Вымерли все?

Таня. Нет его, Василий Леонидыч... Сейчас я пошлю. (Направляется к двери.)

Василий Леонидыч. Ведь я слышу, что разговаривают. Это что за чучелы явились? А, что?

Таня. Это мужички из курской деревни, Василий Леонидыч.

Василий Леонидыч (на артельщика). А это кто? А, да, от Бурдые!

Мужики кланяются. Василий Леонидыч не обращает на них внимания, Григорий встречается с Таней в дверях, Таня остается.

Явление девятнадцатое

Те же и Григорий.

Василий Леонидыч. Я тебе говорил, – те ботинки. Не могу я эти носить!

Григорий. Да и те там же стоят.

Василий Леонидыч. Да где же там?

Григорий. Да там же.

Василий Леонидыч. Врешь!

Григорий. Да вот увидите.

Василий Леонидыч и Григорий уходят.

Явление двадцатое

Таня, три мужика и артельщик.

3-й мужик. А може, скажем, не время таперь, пошли бы на фатеру, обождали бы пока что.

Таня. Нет, ничего, подождите. Вот я вам сейчас тарелки для гостинцев принесу. (Уходит.)

Явление двадцать первое

Те же, Сахатов, Леонид Федорович, и за ними Федор Иваныч. Мужики берут гостинцы и становятся в позы.

Леонид Федорович (мужикам). Сейчас, сейчас, подождите. (На артельщика.) А это кто?

Артельщик. От Бурде.

Леонид Федорович. А, от Бурдые!

Сахатов (улыбаясь). Да я не отрицаю; но, согласитесь, что, не видав всего того, что вы говорите, нашему брату, непосвященному, трудно верить.

Леонид Федорович. Вы говорите: я не могу верить. Но мы и не требуем веры. Мы требуем исследованья. Ведь не могу же я не верить этому кольцу. А кольцо получено мною оттуда.

Сахатов. Как оттуда? Откуда?

Леонид Федорович. Из того мира. Да.

Сахатов (улыбаясь). Очень интересно, очень интересно!

Леонид Федорович. Но, положим, вы думаете, что я увлекающийся человек, воображающий себе то, чего нет, но ведь вот Алексей Владимирович Кругосветлов, кажется, не кто-нибудь, а профессор, и вот признает то же. Да не он один. А Крукс? А Валлас?

Сахатов. Да ведь я не отрицаю. Я говорю только, что это очень интересно. Интересно знать, как Кругосветлов объясняет?

Леонид Федорович. У него своя теория! Да вот приезжайте нынче вечером; он будет непременно. Сначала Гросман будет... знаете, известный угадыватель мыслей.

Сахатов. Да, я слышал, но ни разу не случилось видеть.

Леонид Федорович. Ну так приезжайте. Сначала Гросман, а потом Капчич, и наш сеанс медиумический... (Федору Иванычу.) Не вернулся посланный от Капчича?

Федор Иваныч. Нет еще.

Сахатов. Так как же бы мне узнать?

Леонид Федорович. Да вы приезжайте, все равно приезжайте. Если Капчича и не будет, мы найдем своего медиума. Марья Игнатьевна – медиум; не такой сильный, как Капчич, но все-таки...

Явление двадцать второе

Те же и Таня (входит с тарелками для гостинцев. Прислушивается к разговору).

Сахатов (улыбаясь). Да, да. Но только вот обстоятельство: почему медиумы всегда из так называемого образованного круга? И Капчич и Марья Игнатьевна. Ведь если это особенная сила, то она должна бы встречаться везде, в народе, в мужиках.

Леонид Федорович. Так и бывает. Так часто бывает, что у нас в доме один мужик, и тот оказался медиумом. На днях мы позвали его во время сеанса. Нужно было передвинуть диван – и забыли про него. Он, вероятно, и заснул. И, представьте себе, наш сеанс уж кончился, Капчич проснулся, и вдруг мы замечаем, что в другом углу комнаты около мужика начинаются медиумические явления: стол двинулся и пошел.

Таня (в сторону). Это когда я из-под стола лезла.

Леонид Федорович. Очевидно, что он тоже медиум. Тем более, что лицом он очень похож на Юма. Вы помните Юма? – белокурый, наивный.

Сахатов (пожимая плечами). Вот как. Это очень интересно! Так вот вы его бы и испытали.

Леонид Федорович. И испытаем. Да и не он один. Медиумов бездна. Мы только не знаем их. Вот на днях одна больная старушка передвинула каменную стену.

Сахатов. Передвинула каменную стену?

Леонид Федорович. Да, да, лежала в постели и совсем не знала, что она медиум. Уперлась рукой о стену, а стена и отодвинулась.

Сахатов. И не завалилась?

Леонид Федорович. И не завалилась.

Сахатов. Странно! Ну, так я приеду вечером.

Леонид Федорович. Приезжайте, приезжайте! Сеанс будет во всяком случае.

Сахатов одевается. Леонид Федорович провожает его.

Явление двадцать третье

Те же, без Сахатова.

Артельщик (Тане). Доложите же барыне! Что же, мне ночевать, что ли?

Таня. Подождите. Оне едут с барышней, так скоро сами выйдут. (Уходит.)

Явление двадцать четвертое

Те же, без Тани.

Леонид Федорович (подходит к мужикам, те кланяются и подают гостинцы). Не надо это!

1-й мужик (улыбаясь). Да уж это первый долгом происходит. Как и мир нам предлегал.

2-й мужик. Уж это как водится.

3-й мужик. И не толкуй! Потому, как мы много довольны... Как родители наши, скажем, вашим родителям, скажем, служили, так и мы жалаем от души, а не то чтобы как... (Кланяется.)

Леонид Федорович. Да что вы? Чего вы именно желаете?

1-й мужик. К вашей милости, значит.

Явление двадцать пятое
Те же и Петрищев (быстро вбегает в шинели).

Петрищев. Василий Леонидыч проснулся? (Увидев Леонида Федоровича, кланяется ему одной головой.)

Леонид Федорович. Вы к сыну?

Петрищев. Я? Да, я на минутку к Вово.

Леонид Федорович. Пройдите, пройдите,

Петрищев снимает шинель и скоро идет.

Явление двадцать шестое
Те же, без Петрищева.

Леонид Федорович (к мужикам). Да-с. Ну, так вы что ж?

2-й мужик. Прими гостинцы-то.

1-й мужик (улыбаясь). Значит, деревенские предложения.

3-й мужик. И не толкуй, – что там! Мы жалаем, как отцу родному. И не толкуй.

Леонид Федорович. Ну что ж... Федор, прими.

Федор Иванович. Ну, давайте сюда. (Берет гостинцы.)

Леонид Федорович. Так в чем же дело?

1-й мужик. Да к вашей милости мы.

Леонид Федорович. Вижу, что ко мне; да чего же вы желаете?

1-й мужик. А насчет совершения продажи земли движение исделать. Происходит...

Леонид Федорович. Что же, вы покупаете землю, что ли?

1-й мужик. Двистительно, это как есть. Происходит... значит, насчет покупки собственности земли. Так мир нас, примерно, и вполномочил, чтобы взойтить, значит, как полагается, через государственную банку с приложением марки узаконенного числа.

Леонид Федорович. То есть вы желаете купить землю через посредство банка, – так, что ли?

1-й мужик. Это как есть, как летось вы нам предлог исделали. Происходит, значит, всей суммы полностью тридцать две тысячи восемьсот шестьдесят четыре рубля в покупки собственности земли.

Леонид Федорович. Это так, но как же приплату?

1-й мужик. А приплату предлагает мир, чтоб, как летось говорено, рассрочить, значит, в получении в наличностях, по законам положений, четыре тысячи рублей полностью.

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

2-й мужик. Четыре тысячи получи денежки теперь, значит, а остальные чтоб обождать.

3-й мужик (пока разворачивает деньги). Уж это будь в надежде, себя заложим, а того не сделаем, чтоб как-нибудь, а скажем, как-никак, а чтобы, скажем, того... как должно.

Леонид Федорович. Да ведь я писал вам, что я согласен только в таком случае, коли соберете все деньги.

1-й мужик. Это, двистительно, приятнее бы, да не в возможностях, значит.

Леонид Федорович. Так что же делать?

1-й мужик. Мир, примерно, на то уповал, что как летось предлог исделали в отсрочке платежа...

Леонид Федорович. То было прошлого года; тогда я соглашался, а теперь не могу...

2-й мужик. Да как же так? Обнадежил, мы и бумагу выправили, и деньги собрали.

3-й мужик. Помилосердствуй, отец. Земля наша малая, не то что скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда. (Кланяется.) Не грехи, отец! (Кланяется.)

Леонид Федорович. Это, положим, правда, что прошлого года я соглашался отсрочить, да тут вышло обстоятельство... Так что мне теперь это неудобно.

2-й мужик. Нам без этой земли надо жизни решиться.

1-й мужик. Двистительно, без земли наше жительство должно ослабнуть и в упадок произойти.

3-й мужик (кланяется). Отец! земля малая, не то что скотину, – куренка, скажем, и того выпустить некуда. Отец! помилосердствуй. Прими денежки, отец.

Леонид Федорович (просматривает пока бумагу). Я понимаю, мне самому хотелось бы вам сделать доброе. Вы подождите. Я вам через полчаса ответ дам. Федор, скажи, чтоб никого не принимать.

Федор Иваныч. Очень хорошо.

Леонид Федорович уходит.

Явление двадцать седьмое
Те же, без Леонида Федоровича. Мужики в унынии.

2-й мужик. Ишь ты дело-то! Всё, говорит, подавай. А где их возьмешь?

1-й мужик. Кабы летось не обнадежил нас. А то мы так уповали, двистительно, что как летось говорено.

3-й мужик. О господи! Я было деньги раскутал. (Завертывает деньги.) Теперь что станем делать?

Федор Иваныч. Да у вас в чем дело состоит?

1-й мужик. Дело у нас, почтенный, зависит, примерно, вот в чем: предлегал он нам летось рассрочить. Мир на то и взошел мнением и нас вполномочил; а теперь он, примерно, предлагает, чтобы всю сумму полностью. А выходит дело никак неспособно.

Федор Иваныч. Денег-то много ль?

1-й мужик. Всей суммы в поступлении четыре тысячи рублей, значит.

Федор Иваныч. Так что ж? – понатужьтесь, соберите еще.

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

1-й мужик. И так натурно собирали. Пороху в этих смыслах, господин, не хватает.

2-й мужик. Как их нет, зубами не натянешь.

3-й мужик. Мы бы всей душой, да, скажем, и так под метелочку и эти-то собрали.

Явление двадцать восьмое

Те же, Василий Леонидыч и Петрищев (в дверях, оба с папиросками).

Василий Леонидыч. Да уж я сказал, буду стараться. Так буду стараться, что как только возможно. А, что?

Петрищев. Ты пойми, что если ты не достанешь, то это черт знает какая гадость!

Василий Леонидыч. Да уж сказал – буду стараться, и буду. А, что?

Петрищев. Да ничего. Я только говорю, что добудь непременно. Я подожду. (Уходит, запирая дверь.)

Явление двадцать девятое

Те же, без Петрищева.

Василий Леонидыч (махая рукой). Черт знает что такое.

Мужики кланяются.

(Смотрит на артельщика. Федору Иванычу.) Что это вы этого от Бурдые не отпустите? Он уж совсем жить к нам переехал. Смотрите, он заснул. А, что?

Федор Иваныч. Да подали записку, велели подождать. Когда Анна Павловна выйдут.

Василий Леонидыч (смотрит на мужиков и воззривается на деньги). А это что? Деньги? Это кому? Нам деньги? (К Федору Иванычу.) Это кто такие?

Федор Иваныч. Это крестьяне курские, землю покупают.

Василий Леонидыч. Что ж, продали?

Федор Иваныч. Да нет, не сошлись еще. Вот скупятся они.

Василий Леонидыч. А? Это надо их уговорить. (К мужикам.) Вы что ж, покупаете, а?

1-й мужик. Двистительно, мы предлагаем, чтобы как приобрести собственность владения земли.

Василий Леонидыч. А вы не скупитесь. Вы знаете, я вам скажу, как земля мужичку нужна! А, что? Очень нужна.

1-й мужик. Двистительно, земля мужику пристекает первая статья. Это как есть.

Василий Леонидыч. Ну, вот вы и не скупитесь. Ведь земля что? Можно ведь на ней пшеницу рядами, я вам скажу, посеять. Триста пудов можно взять, по рублю за пуд, триста рублей. А, что?.. А то мяту, так тысячу рублей, я вам скажу, можно с десятины слупить!

1-й мужик. Двистительно, это вполне, все продохты можно в действие произвести, кто понятие имеет.

Василий Леонидыч. Так непременно мяту. Ведь я учился про это. Это в книгах напечатано. Я вам покажу. А, что?

1-й мужик. Двистительно, что касающее вам по книгам виднее. Умственность, значит.

Василий Леонидыч. Так покупайте, не скупитесь, а давайте деньги. (Федору Иванычу.) Папа где?

Федор Иваныч. Дома. Они просили не беспокоить их теперь.

Василий Леонидыч. Что ж, вероятно, у духа спрашивает, продать ли землю, или нет? А, что?

Федор Иваныч. Этого не могу сказать. Знаю, что пошли в нерешительности.

Василий Леонидыч. Как ты думаешь, Федор Иваныч, есть у него деньги? А, что?

Федор Иваныч. Уж не знаю. Едва ли. А вам зачем? Ведь вы на прошлой неделе взяли куш не маленький.

Василий Леонидыч. Да ведь я за собак отдал. А теперь ведь ты знаешь: наше новое общество, и Петрищев выбран, а я брал у Петрищева деньги, а теперь надо внести за него и за себя. А, что?

Федор Иваныч. Это какое ваше новое общество? Велосипедистов?

Василий Леонидыч. Нет, я тебе сейчас скажу: это новое общество. Очень, я тебе скажу, серьезное общество, и ты знаешь, кто председатель? А, что?

Федор Иваныч. В чем же это новое общество?

Василий Леонидыч. Общество поощрения разведения старинных русских густопсовых собак. А, что? И я тебе скажу: нынче первое заседание и завтрак. А вот денег-то нет! Пойду к нему, попытаюсь. (Уходит в дверь.)

Явление тридцатое
Мужики, Федор Иваныч и артельщик.

1-й мужик (Федору Иванычу). Это кто же, почтенный, будут?

Федор Иваныч (улыбаясь). Молодой барин.

3-й мужик. Наследник, скажем. О господи! (Прячет деньги.) Прибрать, видно, пока что.

1-й мужик. А нам сказывали, что военный, в заслуге кавалерии, примерно.

Федор Иваныч. Нет, он, как единственный сын, уволен от воинской повинности.

3-й мужик. Для прокорму, скажем, родителей оставлен. Это правильно.

2-й мужик (качает головой). Этот прокормит, что и говорить.

3-й мужик. О господи!

Явление тридцать первое
Федор Иваныч, три мужика, Василий Леонидыч, за ним в дверях Леонид Федорович.

Василий Леонидыч. Вот это всегда так. Право, удивительно. То говорят мне, отчего я ничем не занят, а вот когда я нашел деятельность и занят, основалось общество серьезное, с благородными целями, тогда жалко каких-нибудь триста рублей!..

Леонид Федорович. Сказал, что не могу, и не могу. Нет у меня.

Василий Леонидыч. Да ведь продали землю.

Леонид Федорович. Во-первых, не продал, и главное – оставь меня в покое. Ведь тебе сказали, что мне некогда. (Захлопывает дверь.)

Явление тридцать второе

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Те же, без Леонида Федоровича.

Федор Иваныч. Я вам говорил, что теперь не время.

Василий Леонидыч. Вот, я вам скажу, положение, а? Пойду к мама, одно спасенье. А то сумасшествует с своим спиритизмом и всех забыл. (Идет наверх.)

Федор Иваныч садится было за газету.

Явление тридцать третье
Те же. Сверху сходят Бетси и Марья Константиновна. За ними Григорий.

Бетси. Карета готова?

Григорий. Выезжает,

Бетси (Марье Константиновне). Пойдемте, пойдемте! Я видела, что это он.

Марья Константиновна. Кто он?

Бетси. Очень хорошо знаете, что Петрищев.

Марья Константиновна. Так где же он?

Бетси. У Вово сидит. Вот увидите.

Марья Константиновна. А вдруг не он?

Мужики и артельщик кланяются.

Бетси (к артельщику). А, вы от Бурдые, с платьем?

Артельщик. Так точно. Прикажите отпустить.

Бетси. Да я не знаю. Это мама.

Артельщик. Не могу знать кому. Нам приказано снести и деньги получить.

Бетси. Ну так подождите.

Марья Константиновна. Это все тот же костюм для шарады?

Бетси. Да, прелестный костюм. А мама не берет и не хочет платить.

Марья Константиновна. Отчего же?

Бетси. А вот спросите у мама. Для Вово за собак заплатить пятьсот рублей не дорого, а платье сто рублей дорого. А не могу же я играть чучелой! (На мужиков.) А это кто такие?

Григорий. Мужики, землю покупают какую-то.

Бетси. А я думала, охотники. Вы не охотники?

1-й мужик. Никак нет-с, госпожа. Мы насчет свершения продажи акта земли, к Леониду Федоровичу.

Бетси. Как же, к Вово должны были прийти охотники? Да вы наверное не охотники?

Мужики молчат.

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Какие глупые! (Подходит к двери.) Вово! (Хохочет.)

Марья Константиновна. Да ведь мы его встретили сейчас.

Бетси. Охота вам помнить!.. Вово, ты здесь?

Явление тридцать четвертое
Те же и Петрищев.

Петрищев. Вово нет, но я готов исполнить за него все, что потребуется.
Здравствуйте! Здравствуйте, Марья Константиновна! (Трясет руку сильно и долго
Бетси, а потом Марье Константиновне.)

2-й мужик. Вишь, ровно воду накачивает.

Бетси. Заменить не можете, но все-таки лучше, чем ничего. (Хохочет.) Какие это у вас дела с Вово?

Петрищев. Дела? Дела финансовые, то есть они, дела наши – фи! и вместе с тем нансовые, и кроме еще финансовые.

Бетси. Что же значит нансовые?

Петрищев. Вот вопрос! В том-то и штука, что ничего не значит!

Бетси. Ну, это не вышло, совсем не вышло! (Хохочет.)

Петрищев. Нельзя ведь, чтобы всякий раз выходило. Это вроде аллегри. Аллегри, аллегри, а потом и выигрыш.

Федор Иваныч уходит в кабинет Леонида Федоровича.

Явление тридцать пятое
Те же, без Федора Иваныча.

Бетси. Ну, это не вышло; а скажите, вы вчера были у Мергасовых?

Петрищев. Не столько у mère Gassof, сколько у père Gassof, и даже не père Gassof, а у fils Gassof [3].

Бетси. Не можете без jeu de mots? [4] Это болезнь. И цыгане были? (Смеется.)

Петрищев (поет). На фартучках петушки, золотые гребешки!..

Бетси. Экие счастливые! А мы скучали у Фофо.

Петрищев (продолжая напевать). И божилась, и клялась – побывать ко мне... Как дальше? Марья Константиновна, как дальше?

Марья Константиновна. Ко мне на час...

Петрищев. Как? Как, Марья Константиновна? (Хохочет.)

Бетси. Cessez, vous devenez impossible! [5]

Петрищев. J'ai cessé, j'ai bébé, j'ai dédé... [6]

Бетси. Я вижу одно средство избавиться от ваших остроумий – это заставить вас петь. Пойдемте к Вово в комнату, у него и гитара есть. Пойдемте, Марья Константиновна, пойдемте!

Бетси, Марья Константиновна и Петрищев уходят в комнату Василия Леонидыча.

Явление тридцать шестое

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Григорий, три мужика и артельщик.

1-й мужик. Это чьи же?

Григорий. Одна – барышня, а другая – мамзель, музыки учит.

1-й мужик. В науку производит, значит. А как аккуратна. Настоящий патрет.

2-й мужик. Что же замуж не выдают? Года-то уж небось вышли?

Григорий. Разве как у вас, пятнадцати лет?

1-й мужик. А мужинка-то тот, примерно, из музыканщиков?

Григорий (передразнивая). Из музыканщиков!.. Ничего-то вы не понимаете!

1-й мужик. Это, двистительно, глупость наша, значит, необразованность.

3-й мужик. О господи!

Слышно пение цыганских песен с гитарой из комнаты Василия Леонидыча.

Явление тридцать седьмое

Григорий, три мужика, артельщик, входит Семен и вслед за ним Таня. Таня наблюдает за встречей отца с сыном.

Григорий (к Семену). Ты чего?

Семен. К господину Капчичу посылали.

Григорий. Ну, что?

Семен. На словах приказали сказать, нынче никак быть не могут.

Григорий. Хорошо, я доложу. (Уходит.)

Явление тридцать восьмое

Те же, без Григория.

Семен (отцу). Здорово, батюшка! Дяде Ефиму, дяде Митрию – почтение! Дома здоровы ли?

2-й мужик. Здорово, Семен.

1-й мужик. Здорово, братец.

3-й мужик. Здорово, малый. Жив ли?

Семен (улыбаясь). Что ж, батюшка, пойдём, что ль, чайку попить?

2-й мужик. Погоди, отделаемся, – разве не видишь, недосуг таперь?

Семен. Ну, ладно, я у крыльца ждать буду. (Уходит.)

Таня (бежит за ним). Ты что ж ничего не сказал?

Семен. Как же теперь говорить при народе? Дай срок, пойдём чай пить, я и скажу. (Уходит.)

Явление тридцать девятое

Те же, без Семена. Федор Иваныч выходит и садится к окну с газетой.

1-й мужик. Ну что ж, почтенный, как дело наше происходит?

Федор Иваныч. Погодите, сейчас выйдет, кончает.

Таня (к Федору Иванычу). А вы почему, Федор Иваныч, знаете, что кончает?

Федор Иваныч. А я знаю, когда он вопросы окончит, то он вслух перечитывает вопрос и ответ.

Таня. Неужели ж правда, что блюдечком можно разговаривать с духами?

Федор Иваныч. Стало быть, можно.

Таня. Ну что ж, они ему скажут подписать – он и подпишет?

Федор Иваныч. А то как же?

Таня. Да ведь они словами не говорят?

Федор Иваныч. Азбукой. Против какой буквы остановится, он и замечает.

Таня. Ну, а если в сиансе?..

Явление сороковое
Те же и Леонид Федорович.

Леонид Федорович. Ну, друзья мои, не могу. Очень бы желал, но никак не могу. Если все деньги, то другое дело.

1-й мужик. Это, двистительно, чего б лучше. Да маломочен народ, никак невозможно.

Леонид Федорович. Не могу, не могу никак. Вот и бумага ваша. Не могу подписать.

3-й мужик. А ты пожалей, отец, помилосердствуй!

2-й мужик. Что ж так делать? Обида это.

Леонид Федорович. Обиды, братцы, нету. Я вам тогда летом говорил: коли хотите, делайте. Вы не захотели, а теперь мне нельзя.

3-й мужик. Отец! смилосердуйся. Как жить таперича? Земля малая, не то что скотину – курицу, скажем, и ту выпустить некуда.

Леонид Федорович идет и останавливается в дверях.

Явление сорок первое
Те же, барыня и доктор сходят сверху. За ними Василий Леонидыч, в веселом и игривом настроении духа, укладывает деньги в бумажник.

Барыня (затянутая, в шляпке). Так принять?

Доктор. Коли повторные явления будут, непременно принять. А главное – ведите себя лучше. А то как же вы хотите, чтобы густой сироп прошел через тоненькую волосяную трубочку, когда еще мы эту трубочку зажмем? Нельзя? Так и желчепровод. Все ведь это очень просто.

Барыня. Ну, хорошо, хорошо.

Доктор. То-то хорошо, а все по-старому; а так, барыня, нельзя, нельзя. Ну прощайте!

Барыня. Не прощайте, а до свиданья. Вечером я вас все-таки жду; без вас я не решусь.

Доктор. Ладно, ладно. Коли время будет, заверну. (Уходит.)

Явление сорок второе
Те же, без доктора.

Барыня (увидав мужиков). Это что? Что это? Что это за люди?

Мужики кланяются.

Федор Иваныч. Это крестьяне из Курской о покупке земли к Леониду Федоровичу.

Барыня. Я вижу, что крестьяне, да кто их пустил?

Федор Иваныч. Леонид Федорович приказали. Они с ними сейчас говорили о продаже земли.

Барыня. И какая продажа? Совсем не нужно продавать. А главное – как же пускать людей с улицы в дом! Как пускать людей с улицы! Нельзя пускать в дом людей, которые ночевали бог знает где... (Разгорячается все более и более.) В одеждах, я думаю, всякая складка полна микроб: микробы скарлатины, микробы оспы, микробы дифтерита! Да ведь они из Курской, из Курской губернии, где повальный дифтерит!.. Доктор, доктор! Воротите доктора!

Леонид Федорович уходит, закрывая дверь. Григорий выходит за доктором.

Явление сорок третье
Те же, без Леонида Федоровича и Григория.

Василий Леонидыч (курит на мужиков). Ничего, мама, хотите я их окурю так, что всем микробам капут? А, что?

Барыня строго молчит, ожидая возвращения доктора.

(К мужикам.) А вы свиней выкармливаете? Вот выгодно-то!

1-й мужик. Двистительно, пускаем когда и по свиной части.

Василий Леонидыч. Таких... Иу, иу! (Хрюкает поросенком.)

Барыня. Вово, Вово! перестань!

Василий Леонидыч. Похоже? А, что?

1-й мужик. Двистительно, сходственно.

Барыня. Вово, перестань, я тебе говорю!

2-й мужик. Это к чему же?

3-й мужик. Сказывал, на фатеру бы пока что.

Явление сорок четвертое
Те же, доктор и Григорий.

Доктор. Ну, что еще? Что такое?

Барыня. Да вот вы говорите, чтобы не волноваться. Ну как тут быть спокойной. Я сестру не вижу два месяца, я остерегаюсь всякого сомнительного посетителя. И вдруг люди из Курска, прямо из Курска, где повальный дифтерит, – в середине моего дома!

Доктор. То есть вот эти молодцы-то?

Барыня. Ну да, прямо из дифтеритной местности!

Доктор. Да, коли из дифтеритной местности, то, разумеется, неосторожно, но все-таки очень-то волноваться незачем.

Барыня. Да ведь вы сами же предписываете осторожность?

Доктор. Ну да, ну да, только волноваться-то очень незачем.

Барыня. Да ведь как же? Полную дезинфекцию надо.

Доктор. Нет, что ж полную, это дорого слишком, рублей триста, а то и больше станет. А я вам дешево и сердито устрою. Возьмите-ка на большую бутылку воды...

Барыня. Отварной?

Доктор. Все равно. Отварной лучше... Так на бутылку воды столовую ложку салициловой кислоты, да и велите перемыть все, чего касались даже, а их самих, молодых этих, разумеется, вон. Вот и все. Тогда смело. Да того же состава через пульверизатор в воздух пропустите, стаканчика два, три, и посмотрите, как хорошо будет. Совершенно безопасно!

Барыня. Таня где? Позовите Таню!

Явление сорок пятое
Те же и Таня.

Таня. Что прикажете?

Барыня. Знаешь большую бутылку в уборной?

Таня. Из которой прачку вчера брызгали?

Барыня. Ну да, а то какая же! Так вот возьми ты эту бутылку и вымой прежде, где они стоят, мылом, потом этим...

Таня. Слушаю-с. Я знаю как.

Барыня. Да потом возьми пульверизатор... Впрочем, я вернусь, сама сделаю.

Доктор. Так и сделайте, и не боитесь. Ну, так до свиданья, до вечера. (Уходит.)

Явление сорок шестое
Те же, без доктора.

Барыня. А их вон, вон, чтоб их духу не было. Вон, вон. Идите, что смотрите?

1-й мужик. Двистительно, мы как по глупости, как нам предлагать...

Григорий (выпроваживая мужиков). Ну, ну, идите, идите.

2-й мужик. Платок-то мой дай!

3-й мужик. О господи! Говорил я – на фатеру бы покуда что.

Григорий выталкивает его.

Явление сорок седьмое
Барыня, Григорий, Федор Иваныч, Таня, Василий Леонидыч и артельщик.

Артельщик (несколько раз порывавшийся говорить). Будет ответ какой?

Барыня. А, это от Бурдые? (Горячась.) Никакого, никакого, и несите назад. Я ей

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
говорила, что я такого костюма не заказывала и дочери своей носить не позволю.

Артельщик. Не могу знать, меня послали.

Барыня. Ступайте, ступайте и несите назад. Я сама заеду.

Василий Леонидыч (торжественно). Господин посланник от Бурдые, ступайте!

Артельщик. Давно бы сказали. Что ж я пять часов сидел?

Василий Леонидыч. Посланец Бурдые, ступайте!

Барыня. Перестань, пожалуйста.

Артельщик уходит.

Явление сорок восьмое
Те же, без артельщика.

Барыня. Бетси! Где она? Вечно ее ждать. Василий Леонидыч (кричит во все горло).
Бетси! Петрицев! Идите скорей! Скорей! Скорей! А, что?

Явление сорок девятое
Те же, Петрицев, Бетси и Марья Константиновна.

Барыня. Вечно тебя ждешь.

Бетси. Напротив, я вас жду.

Петрицев кланяется одной головой и целует руку барыне.

Барыня. Здравствуйте! (К Бетси.) Всегда отвечать!

Бетси. Если вы, мама, не в духе, так лучше я не поеду.

Барыня. Едем или не едем?

Бетси. Да едемте, что ж делать?

Барыня. Видела от Бурдые?

Бетси. Видела и очень была рада. Я заказывала костюм и надену, когда заплатят за него деньги.

Барыня. Я не заплачу и не позволю надеть неприличный костюм.

Бетси. Отчего он стал неприличный? То был приличен, а то на вас pruderie [7] нашла.

Барыня. Не pruderie, а переделать весь лиф, тогда можно.

Бетси. Мама, право, это невозможно.

Барыня. Ну одевайся же.

Садятся. Григорий надевает ботинки.

Василий Леонидыч. Марья Константиновна! А вы видите, какая пустота в передней?

Марья Константиновна. А что? (Вперед смеется.)

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Василий Леонидыч. А от Бурдые ушел. А, что? Хорошо? (Хохочет громко.)

Барыня. Ну, едем. (Выходит в дверь и тотчас же возвращается.) Таня!

Таня. Что прикажете?

Барыня. Фифку без меня чтоб не простудить. Если будет проситься выпускать, то непременно надеть капотец желтенький. Она не совсем здорова.

Таня. Слушаю-с.

Барыня, Бетси и Григорий уходят.

Явление пятидесятое
Петрищев, Василий Леонидыч, Таня и Федор Иваныч.

Петрищев. Ну что же, добыл?

Василий Леонидыч. Я тебе скажу, с трудом. Сначала сунулся к родителю, – зарычал и прогнал. Я к родительнице, – ну, и добился. Тут! (Хлопает по карману.) Уж если я возьмусь, от меня не уйдешь... Мертвая хватка. А, что? А нынче ведь приведут моих волкодавов.

Петрищев и Василий Леонидыч одеваются и уходят. Таня идет за ними.

Явление пятьдесят первое
Федор Иваныч один.

Федор Иваныч. Да, все неприятности. И как это они не могут в согласии жить? Да и правду сказать, молодое поколение – не то. А царство женщин? Как давеча Леонид Федорович хотели было вступиться, да увидали, что она в экстазе, захлопнули дверь. Редкой доброты человек! Да, редкой доброты... Это что? Таня-то их опять ведет.

Явление пятьдесят второе
Федор Иваныч, Таня и три мужика.

Таня. Идите, идите, дяденьки, ничего.

Федор Иваныч. Зачем же ты их опять привела?

Таня. Да как же, Федор Иваныч, батюшка, надо же как-нибудь похлопотать за них. А я уж вымою заодно.

Федор Иваныч. Да ведь не сойдется дело, я уж вижу.

1-й мужик. Как же, поштенный, наше дело в действие произвести? Вы, ваше степенство, побеспокойтесь как-нибудь, а уж ыы в награждение хлопот от миру благодарность представить можем вполне.

3-й мужик. Постарайся, соколик, жить нам нельзя. Земля малая, – не то что скотину, а курицу, скажем, и ту выпустить некуда.

Кланяются.

Федор Иваныч. И жалко мне вас, да не знаю, братцы. Я ведь очень понимаю. Да ведь отказал он. Теперь как же? Да и барыня еще несогласна. Едва ли! Ну, да давайте бумагу, – пойду, попытаюсь, попрошу его. (Уходит.)

Явление пятьдесят третье
Таня и три мужика (вздыхают).

Таня. Да вы мне скажите, дяденьки, в чем дело-то стало?

1-й мужик. Да вот только, бы подписом приложения руки.

Таня. Только чтоб барин бумагу подписал, да?

1-й мужик. Только всего, приложить руку и деньги взять, вот бы и развязка.

3-й мужик. Написал бы только: как мужички, скажем, жалают, так, скажем, и я жалаю. И всего дела: взял, подписал, и крышка.

Таня. Только подписать? На бумаге только чтоб барин подписал? (Задумывается.).

1-й мужик. Двистительно, только всего и зависит дело. Подписал, значит, и больше никаких.

Таня. Вы погодите, что вот Федор Иваныч скажет. Если он не уговорит, я попытаю одну штуку.

1-й мужик. Объегоришь?

Таня. Попытаю.

3-й мужик. Ай, деушка, хлопотать хочет. Только выхлопочи ты дело, всю жизнь, скажем, кормить миром обвяжемся. Вот как!

1-й мужик. Кабы в действие произвести такое дело, двистительно озолотить можно.

2-й мужик. Да уж что говорить! Таня. Верно не обещаю; как это говорится, попытка – не шутка, а...

1-й мужик. А спрос – не беда. Это двистительно.

Явление пятьдесят четвертое
Те же и Федор Иваныч.

Федор Иваныч. Нет, братцы, не выходит ваше дело, не согласился и не согласится. Берите бумагу. Идите, идите.

1-й мужик (берет бумагу, к Тане). Так уж на тебя, примерно, упевать станем.

Таня. Сейчас, сейчас. Вы идите, на улице подождите, а я сию минуту выбегу, скажу что.

Мужики уходят.

Явление пятьдесят пятое
Федор Иваныч и Таня.

Таня. Федор Иваныч, голубчик, доложите барину, чтоб он ко мне вышел. Мне ему словечко сказать надо.

Федор Иваныч. Это что за новости?

Таня. Да нужно, Федор Иваныч. Доложите, пожалуйста, худого ничего, ей-богу.

Федор Иваныч. Какое такое дело?

Таня. Да секрет маленький. Я вам после открою. Вы доложите только.

Федор Иваныч (улыбаясь). И что ты строишь, не пойму! Да ну, скажу, скажу. (Уходит.)

Явление пятьдесят шестое

Таня одна.

Таня. Право, сделаю. Ведь он сам говорил, что сила в Семене есть, а ведь я все знаю, как делать. Тогда никто не догадался. А теперь научу Семена. А не выйдет дело, не беда. Разве грех какой?

Явление пятьдесят седьмое

Таня, Леонид Федорович и за ними Федор Иваныч.

Леонид Федорович (улыбаясь). Вот просительница-то! Что это у тебя за дело?

Таня. Секрет маленький, Леонид Федорович. Позвольте мне один на один сказать.

Леонид Федорович. Что так? Федор, выдь на минутку.

Явление пятьдесят восьмое

Леонид Федорович и Таня.

Таня. Как я жила, выросла в вашем доме, Леонид Федорович, и как благодарна вам за все, я как отцу родному откроюсь. Живет у вас Семен, и хочет он на мне жениться.

Леонид Федорович. Вот как!

Таня. Открываюсь перед вами, как перед богом. Посоветоваться мне не с кем, как сирота я.

Леонид Федорович. Что ж, отчего же! Он, кажется, малый хороший.

Таня. Это точно, он все бы ничего, только одно я сумлеваюсь. И спросить хотела вас, что есть за ним одно дело, а я и понять не могу... как бы не худое что.

Леонид Федорович. Что ж, он пьет?

Таня. Нет, помилуй бог! А как я знаю, что спиритичество есть...

Леонид Федорович. Знаешь?

Таня. Как же-с! Я очень понимаю. Другие, точно, по необразованию не понимают этого...

Леонид Федорович. Ну так что ж?

Таня. Да вот опасаясь насчет Семена. С ним это бывает.

Леонид Федорович. Что бывает?

Таня. Да вот вроде, как спири...тичество. Это у людей спросите. Как только он задремлет у стола, сейчас стол затрясется, весь заскрипит так: тук, ту... тук! Все и люди слышали.

Леонид Федорович. Вот как раз то, что я утром Сергею Ивановичу говорил. Ну?..

Таня. А то... когда это было?.. Да, в среду. Сели обедать. Только он сел за стол, а ложка сама к нему в руку – прыг!

Леонид Федорович. А, это интересно! И в руку прыг? Что ж, он задремал?

Таня. Вот уж не заметила. Кажется, что задремал.

Леонид Федорович. Ну?..

Таня. Ну, вот я и опасаясь и об этом спросить хотела, что не будет ли от этого вреда? Тоже век жить, а в нем такое дело.

Леонид Федорович (улыбаясь). Нет, не бойся, тут худого ничего нет. А это значит только то, что он медиум, – просто медиум. Я и прежде знал, что он медиум.

Таня. Вот что... А я–то боялась!

Леонид Федорович. Нет, не бойся, ничего. (Сам с собой.) Вот и прекрасно. Капчича не будет, мы его нынче и испытаем... Нет, ты, милая, не бойся, он и хороший муж будет, и все... А это особенная сила, она во всех есть. Только в одних слабей, в других сильней.

Таня. Покорно вас благодарю. Я теперь и думать се буду. А то я боялась... Что значит неученье–то наше?

Леонид Федорович. Нет, нет, не бойся. Федор!

Явление пятьдесят девятое
Те же и Федор Иваныч.

Леонид Федорович. Я пойду со двора. К вечеру приготовь все для сеанса.

Федор Иваныч. Да ведь Капчич не изволит быть.

Леонид Федорович. Ничего, все равно. (Надувает шинель.) Пробный сеанс будет с своим медиумом. (Уходит. Федор Иваныч провожает его.)

Явление шестидесятое
Таня одна.

Таня. Поверил, поверил! (Взвизгивает, прыгает.) Ей–богу, поверил! Вот чудо–то! (Взвизгивает.) Теперь сделаю, только бы Семен не сробел.

Явление шестьдесят первое
Таня и Федор Иваныч (возвращается).

Федор Иваныч. Ну что же, сказала свой секрет?

Таня. Сказала. Да я и вам открою, только после... А у меня и к вам, Федор Иваныч, просьба есть.

Федор Иваныч. Какая же это ко мне–то просьба? Таня (стыдливо). Вы мне как второй отец были, я вам как перед богом откроюсь.

Федор Иваныч. Да ты не виляй, прямо к делу.

Таня. Да что дело? Дело то, что Семен на мне жениться хочет.

Федор Иваныч. Вот как! То–то я примечаю...

Таня. Да что ж мне скрывать? Мое дело сиротское, а вы сами знаете здешнее городское заведение: всякий пристаёт; хоть бы Григорий Михайлыч, прохожу от него нету. Тоже и этот... знаете? Они думают, что у меня души нет, что я только им для забавы далась...

Федор Иваныч. Умница, хвалю! Ну, так что же?

Таня. Да Семен писал отцу, а он, отец–то, нынче меня увидал, да сейчас и говорит: избаловался, – про сына–то. Федор Иваныч! (Кланяется.) Будьте мне заместо отца, поговорите с стариком, с Семеновым отцом. Я бы их в кухню повела, а вы бы зашли, да и поговорили старику.

Федор Иваныч (улыбаясь). Это сватом я, значит, буду? Что ж, можно.

Таня. Федор Иваныч, голубчик, будьте заместо отца родного, а я век за вас буду бога молить.

Федор Иваныч. Хорошо, хорошо; пройду уж. Обещаю, так сделаю. (Берет газету.)

Таня. Второй отец мне будете.

Федор Иваныч. Хорошо, хорошо.

Таня. Так я буду в надежде... (Уходит.)

Явление шестьдесят второе
Федор Иваныч один.

Федор Иваныч (кивает головой). А ласковая девочка, хорошая. А ведь сколько их таких пропадает, подумаешь! Только ведь промахнись раз один – пошла по рукам... Потом в грязи ее уж не сыщешь. Не хуже, как Наталья сердечная... А тоже была хорошая, тоже мать родила, лелеяла, выращивала... (Берет газету.) Ну-ка, что Фердинанд наш, как изворачивается?..

Занавес

Действие второе

Театр представляет внутренность людской кухни. Мужики, раздевшись и запотев, сидят у стола и пьют чай. Федор Иваныч с сигарой на другом конце сцены. На печке старый повар, не видный первые четыре явления.

Явление первое

Три мужика и Федор Иваныч.

Федор Иваныч. Мой совет, ты ему не препятствуй. Если его желание есть и ее тоже, так и с богом. Девушка хорошая, честная. На это не смотри, что она щеголиха. Это по-городски, нельзя без этого. А девушка умная.

2-й мужик. Что ж, коли его охота есть. Ему жить с ней, а не мне. Только уж очень чиста. Как ее в избу введешь? Свекрови-то она и погладиться не дастся.

Федор Иваныч. Это, братец ты мой, не от чистоты, а от характера. Коли доброго характера, так будет покорна и уважительна.

2-й мужик. Да уж возьму, коли так малый усетился, чтобы беспрременно ее взять. Тоже с немилкой жить беда! Со старухой посоветуюсь, да и с богом.

Федор Иваныч. Ну, и по рукам.

2-й мужик. Да уж видно, что так.

1-й мужик. И как тебе фортунит, Захар: приехал за совершением дела, а глядь – сноху за сына какую кралю высватал. Только бы sprыснуть, значит, чтобы хворменно было.

Федор Иваныч. Этого совсем не нужно.

Неловкое молчание.

Я ведь вашу жизнь крестьянскую очень понимаю. Я, вам скажу, сам подумываю, где бы землицы купить. Домик построил бы да крестьянствовал. Хоть бы в вашей стороне.

2-й мужик. Разлюбезное дело!

1-й мужик. Двистительно, при деньгах можно в деревне себе всякое удовольствие получить.

3-й мужик. Что и говорить! Деревенское дело, скажем, во всяком разе слободно, не

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
то, что в городе.

Федор Иваныч. Что ж, примете в общество, коли у вас поселюсь?

2-й мужик. Отчего же не принять? Вина старикам выставишь, сейчас примут.

1-й мужик. Да питейное заведение, примерно, или трактир откроете, житье такое будет, что умирать не надо. Царствуй, и больше никаких.

Федор Иваныч. Там видно будет. А только хочется на старости лет спокойно пожить. Жить мне и здесь хорошо – жалко и оставить: Леонид Федорович ведь редкой доброты человек.

1-й мужик. Это двистительно. Да что же он наше-то дело? Ужели ж так, без последствий?

Федор Иваныч. Он-то бы рад.

2-й мужик. Видно, он жены боится.

Федор Иваныч. Не боится, а тоже согласия нет.

3-й мужик. А ты бы, отец, постарался, а то как нам жить? Земля малая...

Федор Иваныч. Да вот посмотрим, что выйдет от Татьянинных хлопот. Ведь она взялась.

3-й мужик (пьет чай). Отец, помилосердствуй! Земля малая, не токмо скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда.

Федор Иваныч. Да кабы в моих руках дело было. (Ко 2-му мужику.) Так так, братец, сваты мы с тобой будем. Кончено дело об Тане-то?

2-й мужик. Да уж сказал коли я, и без пропою назад не попячусь. Только бы дело наше вышло.

Явление второе

Те же, входит кухарка, заглядывает на печку, делает туда знаки и тотчас же начинает оживленно говорить с Федором Иванычем.

Кухарка. Сейчас из белой кухни позвали Семена вверх; барин да энтот, что вызывает с ним, лысый-то, посадили его да велели на место Капчича действовать.

Федор Иваныч. Что ты врешь!

Кухарка. Как же! сейчас Тане Яков сказывал.

Федор Иваныч. Чудно это!

Явление третье

Те же и кучер.

Федор Иваныч. Ты что?

Кучер (к Федору Иванычу). Так и скажите, что я не нанимался с собаками жить. Пускай другой кто живет, а я с собаками жить не согласен.

Федор Иваныч. С какими собаками?

Кучер. Да привели от Василья Леонидыча трех кобелей к нам в кучерскую. Напакостили, воют, а приступить нельзя – кусаются. Злые, черти! – того и гляди, сожрут. И то хочу поленом ноги им перебить.

Федор Иваныч. Да когда же это?

Кучер. Да нынче привели с выставки, какие-то дорогие, пустопсовые, что ль, леший

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
их знает! Либо собакам в кучерской, либо кучерам жить. Так и скажите.

Федор Иваныч. Да, это непорядок. Я пойду спрошу.

Кучер. Их бы сюда, что ль, к Лукерье.

Кухарка (горячо). Тут люди обедают, а ты кобелей запереть хочешь. Уж и так...

Кучер. А у меня кафтаны, полости, сбруя. А чистоту спрашивают. Ну, в дворницкую, что ль.

Федор Иваныч. Надо Василью Леонидычу сказать.

Кучер (сердито). Повесил бы себе на шею кобелей этих, да и ходил бы с ними, а то сам-то небось на лошадях ездить любит. Красавчика испортил ни за что. А лошадь была!.. Эх, житье! (Уходит, хлопая дверью.)

Явление четвертое
Те же, без кучера.

Федор Иваныч. Да, непорядки, непорядки! (К мужикам.) Ну, так так-то, пока прощайте, ребята!

Мужики. С богом.

Федор Иваныч уходит.

Явление пятое
Те же, без Федора Иваныча. Как только Федор Иваныч уходит, на печке слышно кряхтенье.

2-й мужик. Уж и гладок же, ровно анарал.

Кухарка. Да что и говорить! Горница особая, стирка на него вся от господ, чай, сахар – это все господское, и пища со стола.

Старый повар. Как черту не жить, – накрал!

2-й мужик. Это чей же, на печке-то?

Кухарка. Да так, человек один.

Молчание.

1-й мужик. Ну, да и у вас, посмотрел я давеча, ужинали, капиталец дюже хорош.

Кухарка. Жаловаться нельзя. На это она не скупа. Белая булка по воскресеньям, рыба в постные дни по праздникам, а кто хошь, и скоромное ешь.

2-й мужик. Разве постом лопают кто?

Кухарка. Э, да все почитай. Только и постанутся, что кучер (не этот, что приходил, а старый...), да Сема, да я, да икономка, а то все скоромное жрут.

2-й мужик. Ну, а сам-то?

Кухарка. Э, хватился! да он и думать забыл, какой такой пост есть.

3-й мужик. О господи!

1-й мужик. Дело господское, по книжкам дошли. Потому умственность!

3-й мужик. Ситник-то каждый день, я чай?

Кухарка. О, ситник! Не видали они твоего ситника! Посмотрел бы пищу у них: чего-чего нет!

1-й мужик. Господская пища, известно, воздушная.

Кухарка. Воздушная-то, воздушная, – ну, да и здоровы жрать.

1-й мужик. В аппеките, значит.

Кухарка. Потому запивают. Вин этих сладких, водок, наливок шипучих, к каждому кушанью – свое. Ест и запивает, ест и запивает.

1-й мужик. Она, значит, в пропорцию и проносит пищу-то.

Кухарка. Да уж как здоровы жрать – беда! У них ведь нет того, чтоб сел, поел, перекрестился да встал, а бесперечь едят.

2-й мужик. Как свиньи, в корыто с ногами.

Мужики смеются.

Кухарка. Только, господи благослови, глаза продерут, сейчас самовар, чай, кофе, щиколлад. Только самовара два отопьют, уж третий ставь. А тут завтрак, а тут обед, а тут опять кофий. Только отвалятся, сейчас опять чай. А тут закуски пойдут: конфеты, жамки – и конца нет. В постели лежа – и то едят.

3-й мужик. Вот так так. (Хохочет.)

1-й и 2-й мужики. Да ты чего?

3-й мужик. Хоть бы денек так пожить!

2-й мужик. Ну, а когда же дела делают?

Кухарка. Какие у них дела? В карты да в фортепьяны – только и делов. Барышня, так та, бывало, как глаза продерет, так сейчас к фортепьянам, и валяй! А эта, что живет, учительша, стоит, ждет, бывало, скоро ли опростаются фортепьяны; как отделалась одна, давай эта закатывать. А то двое фортепьян поставят, да по двое, вчетвером запузывают. Так-то запузывают, аж здесь слышно.

3-й мужик. Ох, господи!

Кухарка. Ну, вот только и делов: в фортепьяны, а то в карты. Как только съехались, сейчас карты, вино, закурят – и пошло на всю ночь. Только встанут – поесть опять!

Явление шестое
Те же и Семен.

Семен. Чай да сахар!

1-й мужик. Милости просим, садись.

Семен (подходит к столу). Благодарю покорно.

1-й мужик наливает ему чай.

2-й мужик. Где был?

Семен. Вверху был.

2-й мужик. Что ж, какие же там дела?

Семен. Да и не поймешь. Не знаю, как сказать,

2-й мужик. Да что ж, дело какое?

Семен. Да и не знаю, как сказать, силу какую-то по мне пытали. Да я не пойму. Татьяна говорит: делай, мы, говорит, нашим мужикам землю охлопочем, продаст.

2-й мужик. Да как же она сделает-то?

Семен. Да не пойму от нее, она не рассказывает. Только, говорит, делай, как я велю!

2-й мужик. Что ж делать-то?

Семен. Да сейчас ничего. Посадили меня, свет потушили, велели спать. А Татьяна тут же схоронилась. Они не видят, а я вижу.

2-й мужик. Что ж это, к чему?

Семен. А бог их знает – не поймешь.

1-й мужик. Известно, для разгулки времени.

2-й мужик. Ну, видно, этих делов не разберем мы с тобой. А вот ты рассказывай: денег ты много забрал?

Семен. Я не брал, все зажито, двадцать восемь рублей, должно.

2-й мужик. Это ладно. Ну, а коли бог даст, о земле сладимся, ведь я тебя, Семка, домой возьму.

Семен. С моим удовольствием.

2-й мужик. Набаловался ты, я чай. Пахать не захочешь?

Семен. Пахать-то? Давай сейчас. Косить, пахать, это все из рук не вывалится.

1-й мужик. А все, примерно, после городского жительство не поманится.

Семен. Ничего, и в деревне жить можно.

1-й мужик. А вот дядя Митрий на твое место охотится, на великательную жизнь.

Семен. Ну, дядя Митрий, наскучит. Оно, глядеться, легко, а беготни тоже много. Замотаешься.

Кухарка. Вот ты бы, дядя Митрий, посмотрел балы у них. Вот подивился бы!

3-й мужик. А что ж, едят всё?

Кухарка. Куды тебе? Посмотрел бы, что было! Меня Федор Иваныч провел. Посмотрела я: барыни – страсть! Разряжены, разряжены, что куда тебе! А по сих мест голые, и руки голые.

3-й мужик. О господи!

2-й мужик. Тьфу, скверность!

1-й мужик. Значит, клеймат так позволяет.

Кухарка. Так-то и я, дяденька, глянула: что ж это? – все телешом. Верить ли, старые – наша барыня, у ней, мотри, внуки, – тоже оголились.

3-й мужик. О господи!

Кухарка. Так ведь что: как вдарит музыка, как взыграли, – сейчас это господа подходят каждый к своей, обхватит и пошел кружить.

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
2-й мужик. И старухи?

Кухарка. И старухи.

Семен. Нет, старухи сидят.

Кухарка. Толкуй, я сама видела!

Семен. Да нет же.

Старый повар (высовываясь, хрипло). Полька-мазурка это. Э, дура, не знает! – танцуют так...

Кухарка. Ну, ты, танцорщик, помалкивай знай. Во, идет кто-то.

Явление седьмое

Те же и Григорий. Старый повар поспешно скрывается.

Григорий (кухарке). Давай капусты кислой!

Кухарка. Только с погреба пришла, опять лезть. Кому это?

Григорий. Барышням тюрю. Живо! С Семеном пришли, а мне некогда.

Кухарка. Вот наедятся сладко, так, что больше не лезет, их и потянет на капусту.

1-й мужик. Для прочистки, значит.

Кухарка. Ну да, опростают место, опять валяй! (Берет чашку и уходит.)

Явление восьмое

Те же, без кухарки.

Григорий (мужикам). Вишь, расселись. Вы смотрите: барыня узнает, она вам такую задаст трепку, не хуже утрешнего. (Смеется и уходит.)

Явление девятое

Три мужика, Семен и старый повар (на печке).

1-й мужик. Действительно, штурму сделала давеча – беда!

2-й мужик. Давеча хотел он, видно, вступить, а потом как глянул, что она крышу с избы рвет, захлопнул дверь: будь ты, мол, неладна.

3-й мужик (махая рукой). Все одно положение. Тоже моя старуха, скажем, другой раз распалится – страсть! Уж я из избы вон иду. Ну ее совсем! Того гляди, скажем, рогачом зашибет. О господи!

Явление десятое

Те же и Яков (вбегает с рецептом).

Яков. Сема, беги в аптеку, живо, возьми порошки вот барыне!

Семен. Да ведь он не велел уходить.

Яков. Успеешь. Твое дело еще, поди, после чаю... Чай да сахар!

1-й мужик. Милости просим.

Семен уходит.

Явление одиннадцатое

Те же, без Семена.

Яков. Некогда, да уж налейте чашечку для компании.

1-й мужик. Да вот предлагает разговорка, как давеча ваша госпожа очень как себя гордо повела.

Яков. О, эта горяча – страсть! Так горяча – сама себя не помнит. Другой раз заплачет даже.

1-й мужик. А что, примерно, я спросить хотел? Она что-то давеча предлагала макроту. Макроту, макроту, говорит, занесли. К чему это приложить, макроту эту самую?

Яков. О, это макровы. Это, они говорят, такие козявки есть, от них, мол, и болезни все. Так вот, мол, что на вас она. Уж они после вас мыли-мыли, брызгали-брызгали, где вы стояли. Такая специя есть, от ней дохнут они, козявки-то.

2-й мужик. Так где же они на нас, козявки-то эти?

Яков {пьет чай}. Да они, сказывают, такие махонькие, что и в стекла не видать.

2-й мужик. А почему она знает, что они на мне? Может, на ней этой пакости больше моего.

Яков. А вот поди, спроси их!

2-й мужик. А я полагаю, пустое это.

Яков. Известно, пустое; надо же дохтурам выдумывать, а то за что бы им деньги платить? Вот к нам каждый день ездит. Приехал, поговорил – десятку.

2-й мужик. Вре?..

Яков. А то один есть такой, что сотенную.

1-й мужик. Ну! и сотенную?

Яков. Сотенную? Ты говоришь: сотенную, – по тысяче берет, коли за город ехать. Давай, говорит, тысячу, а не дашь – издыхай себе!

3-й мужик. О господи!

2-й мужик. Что ж, он слово какое знает?

Яков. Должно, что знает. Жил я прежде у генерала. под Москвой, сердитый был такой, гордый – страсть, генерал-то! Так заболела у него дочка. Сейчас послали за этим. Тысячу рублей – приеду... Ну, сговорились, приехал. Так что-то не потрафили ему. Так, батюшки мои, как цыкнет на генерала. А! говорит, так так-то ты меня унажаешь, так-то? Так не стану ж лечить! – Так куда тебе! генерал-то и гордость свою забыл, всячески улещает. Батюшка! только не бросай!

1-й мужик. А тысячу-то отдали?

Яков. А то как же?..

2-й мужик. То-то шальные деньги-то. Что б мужик на эти деньги наделал!

3-й мужик. А я думаю, пустое все. Как у меня тады нога прела. Лечил, лечил, скажем, рублей пять пролечил. Бросил лечить, а она и зажила.

Старый повар на печке кашляет.

Яков. Опять тут, сердешный!

1-й мужик. Какой такой мужчинка будет?

Яков. Да нашего барина повар был, к Лукерье ходит.

1-й мужик. Кухмистер, значит. Что ж, здесь проживает?

Яков. Не... Здесь не велят. А где день, где ночь. Есть три копейки – в ночлежном доме, а пропьет все – сюда придет.

2-й мужик. Как же он так?

Яков. Да так, ослаб. А тоже человек какой был, как барин! При золотых часах ходил, по сорока рублей в месяц жалованья брал. А теперь давно с голоду бы помер, кабы не Лукерья.

Явление двенадцатое
Те же и кухарка (с капустой).

Яков (к Лукерье). А я вижу, Павел Петрович опять тут?

Кухарка. Куда ж ему деться – замерзнуть, что ли?

3-й мужик. Что делает винцо-то! Винцо-то, скажем... (Щелкает языком с соболезнованием.)

2-й мужик. Известно, окрепнет человек – крепче камня; ослабнет – слабее воды.

Старый повар (слезает с печи, дрожит и ногами и руками). Лукерья! Говорю, дай рюмочку.

Кухарка. Куда лезешь! Я те дам такую рюмочку!..

Старый повар. Боишься ты бога? Умираю. Братцы, пяточок...

Кухарка. Говорю, полезай на печь.

Старый повар. Кухарка! пор-рюмочки. Христа ради, говорю, понимаешь ты – Христом прошу!

Кухарка. Иди, иди. Чаю вот на!

Старый повар. Что чай? Что чай? Пустое питье, слабое. Винца бы, только глоточек... Лукерья!

3-й мужик. Ах, сердешный, мается как.

2-й мужик. Да дай ему, что ль.

Кухарка (достает в поставце и наливает рюмку). На вот, больше не дам.

Старый повар (хватает, пьет дрожа). Лукерья! Кухарка! Я выпью, а ты понимай...

Кухарка. Ну, ну, разговаривай! Лезь на печку, и чтобы духа твоего не слышно было.

Старый повар лезет покорно и не переставая ворчит что-то себе под нос.

2-й мужик. Что значит – ослаб человек!

1-й мужик. Двистительно, слабость-то человеческая.

3-й мужик. Да что и говорить.

Старый повар укладывается и все ворчит. Молчание.

2-й мужик. Ну, что я хотел спросить: эта вот девушка живет у вас с нашей стороны – Аксиньиной-то. Ну что? Как? Как она живет, значит, честно ли?

Яков. Девушка хорошая, похвалить можно.

Кухарка. Я тебе, дядя, истину скажу, как я здешнее заведение твердо знаю: хочешь ты Татьяну за сына брать – бери скорее, пока не изгадилась, а то не миновать.

Яков. Да, это истинно так. Вот летось Наталья, у нас девушка жила. Хорошая девушка была. Так ни за что пропала, не хуже этого... (Показывает на повара.)

Кухарка. Потому тут нашей сестры пропадает – плотину пруди. Всякому маяится на легонькую работу да на сладкую пищу. Ан глядь, со сладкой-то пищи сейчас и свихнулась. А свихнулась, им уж такая не нужна. Сейчас эту вон – свеженькую на место. Так-то Наташа сердешная: свихнулась – сейчас прогнали. Родила, заболела, весной прошлой в больнице и померла. И какая девушка была!

3-й мужик. О господи! Народ слабый. Жалеть надо.

Старый повар. Как же, пожалеют они, черти! (Спускает с печи ноги.) Я у плиты тридцать лет прожарился. А вот не нужен стал: издыхай, как собака!.. Как же, пожалеют!

1-й мужик. Это двистительно, положения известная.

2-й мужик. Пили, ели, кудрявчиком звали; попили, поели – прощай, шелудяк!

3-й мужик. О господи!

Старый повар. Понимаешь ты много. Что значит: сотей а ла бамон? Что значит: бавасари? Что я сделать мог! Мысли! Император мою работу кушал! А теперь не нужен стал чертям. Да не поддамся я!

Кухарка. Ну, ну, разговорился. Вот я тебя!.. Залезай в угол, чтоб не видать тебя было, а то Федор Иваныч зайдет или еще кто, и выгонят меня с тобой совсем.

Молчание.

Яков. Так знаете мою сторону-то, Вознесенское? 145

2-й мужик. Как же не знать. От нас верст семнадцать, больше не будет, а бродом меньше. Ты что же, землю-то держишь?

Яков. Брат держит, а я посылаю. Я сам хоть здесь, а умираю об доме.

1-й мужик. Двистительно.

2-й мужик. Анисим, значит, брат тебе?

Яков. Как же, брат родный! На том конце.

2-й мужик. Как не знать – третий двор.

Явление тринадцатое
Те же и Таня (вбегает).

Таня. Яков Иваныч! что вы тут прохлаждаетесь? Зовет!

Яков. Сейчас. Что там?

Таня. Фифка лает, есть хочет; а она ругается на вас; какой, говорит, он злой. Жалости, говорит, в нем нет. Ей давно обедать пора, а он не несет!.. (Смеется.)

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
Яков (хочет уходить). О, сердита? как бы чего не вышло!

Кухарка (Якову). Капусту-то возьмите,

яков. Давай, давай! (Берет капусту и уходит.)

Явление четырнадцатое
Те же, без Якова.

1-й мужик. Кому же это обедать теперь?

Таня. А собаке. Собака эта ее... (Присаживается и берется за чайник.) Чай-то есть ли? а то я принесла еще. (Всыпает.)

2-й мужик. Обедать собаке?

Таня. Как же! Коклетку особенную делают, чтобы не жирная была. Я на нее, на собаку-то, белье стираю.

3-й мужик. О господи!

Таня. Как тот барин, что собаку хоронил.

2-й мужик. Это как же так?

Таня. А так, – рассказывал один человек, – издох у него пес, у барина-то. Вот он и поехал зимой хоронить его. Похоронил, едет и плачет, барин-то. А мороз здоровый, у кучера из носу течет, и он утирается... Дайте налью. (Наливает чай.) Из носу-то течет, а он все утирается. Увидал барин: «Что, говорит, о чем ты плачешь?» А кучер говорит: «Как же, сударь, не плакать, какая собака была!» (Хохочет.)

2-й мужик. А сам, я чай, думает: хоть бы ты и сам издох, так я бы плакать не стал... (Хохочет.)

Старый повар (с печки). Это правильно, верно!

Таня. Хорошо, приехал домой барин, сейчас к барыне: «Какой, говорит, наш кучер добрый: он всю дорогу плакал, –так ему жаль моего Дружка. Позовите его: на, мол, выпей водки, а вот тебе награда – рубль». Так-то и она, что Яков собаки ее не жалеет.

Мужики хохочут.

1-й мужик. Хворменно!

2-й мужик. Вот так так!

3-й мужик. Ай, девушка, насмешила!

Таня (наливает еще чай). Кушайте еще!.. То-то, оно так кажется, что жизнь хорошая, а другой раз противно все эти гадости за ними убирать. Тьфу! В деревне лучше.

Мужики перевертывают чашки.

(Наливает.) Кушайте на здоровье, Ефим Антоныч! Я налью, Митрий Власьевич!

3-й мужик. Ну, налей, налей.

1-й мужик. Ну как же, умница, дело наше происходит?

Таня. Ничего, идет...

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

1-й мужик. Семен сказывал...

Таня (быстро). Сказывал?

2-й мужик. Да не понять от него!

Таня. Мне сказать теперь нельзя, а только стараюсь, стараюсь. Вот она – и бумага ваша! (Показывает бумагу за фартуком.) Только бы одна штука удалась... (Взвизгивает.) Уж как бы хорошо было!

2-й мужик. Ты смотри, бумагу-то не затеряй. За нее тоже денежки плачены.

Таня. Будьте покойны. Ведь только чтобы подписал он?

3-й мужик. А то чего же еще? Подписал, скажем, и крышка. (Перевертывает чашку.) Да будет уж.

Таня (сама с собой). Подпишет, вот увидите, подпишет. Еще кушайте. (Наливает.)

1-й мужик. Только охлопочи насчет свершения продажи земли, миром и замуж можем отдать. (Отказывается от чая.)

Таня (наливает и подает). Кушайте.

3-й мужик. Только сделай: и замуж отдадим и на свадьбу, скажем, плясать приду. Хоть отродясь не плясывал, плясать буду!

Таня (смеется). Да уж я буду в надежде.

Молчание.

2-й мужик (оглядывая Таню). Так-то так, а не гожаешься ты для мужицкой работы.

Таня. Я-то? Что ж, вы думаете, силы нету? Вы бы посмотрели, как я барыню затыгиваю. Другой мужик так не потянет.

2-й мужик. Да куда ж ты ее затыгиваешь?

Таня. Да так на костях исделано, как куртка, по сих пор. Ну, на шнуры и стягиваешь, как вот запрягают, еще в руки плюют.

2-й мужик. Засупониваешь, значит?

Таня. Да, да, засупониваю. А ногой в нее ведь не упрешься. (Смеется.)

2-й мужик. Зачем же ты ее затыгиваешь?

Таня. А вот затем.

2-й мужик. Что ж, она обрелась, что ль?

Таня. Нет, для красоты.

1-й мужик. Пузу, значит, ей утыгивает для хвормы.

Таня. Так так стянешь, что у нее глаза вон лезут, а она говорит: «Еще». Так все руки обожжешь, а вы говорите: силы нет.

Мужики смеются и качают головами.

Однако я заболталась. (Убегает, смеясь.)

3-й мужик. Вот так девушка, насмешила!

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

1-й мужик. Да уж как аккуратна!

2-й мужик. Ничего.

Явление пятнадцатое

Три мужика, кухарка, старый повар (на печке). Входят Сахатов и Василий Леонидыч. У Сахатова в руках ложка чайная.

Василий Леонидыч. Не то чтобы обед, а *déjeuner dînatoir* [8]. И прекрасный, я вам скажу, был завтрак: пороссячья окорочка – прелесть! Рулье отлично кормит, я ведь только сейчас приехал. (Увидев мужиков.) А мужики опять здесь?

Сахатов. Да, да, это все прекрасно, но мы пришли спрятать предмет. Так куда же спрятать?

Василий Леонидыч. Виноват, я сейчас. (К кухарке.) А собаки где же?

Кухарка. В кучерской собаки. Разве можно в людскую?

Василий Леонидыч. А, в кучерской? Ну хорошо.

Сахатов. Я жду.

Василий Леонидыч. Виноват, виноват. А, что? спрятать? Да, Сергей Иваныч, так вот что я вам скажу: мужику, одному из этих, в карман. Вот хоть этому. Ты послушай. А, что? Где у тебя карман?

3-й мужик. А на что тебе карман! Ишь ты, карман! У меня в кармане деньги.

Сахатов. Ну, где кошель?

3-й мужик. А тебе на что?

Кухарка. Что ты! Молодой барин это.

Василий Леонидыч (хохочет). А вы знаете, отчего он испугался так? Я вам сейчас скажу: у него денег пропасть. А, что?

Сахатов. Да, да, понимаю. Ну, так вот что: вы поговорите с ними, а я покамест незаметно положу вон в эту сумку – так, чтоб и они не знали, не могли ничем указать ему. Поговорите с ними.

Василий Леонидыч. Сейчас, сейчас. Ну, так как же, ребятушки, купите землю-то? А, что?

1-й мужик. Мы-то предлагаем как всей душой. Да вот все не происходит в движение делу.

Василий Леонидыч. А вы не скупитесь. Земля – дело важное. Я вам говорил – мяту. А то можно табак еще.

1-й мужик. Это двистительно, всякие продохты можно.

3-й мужик. А ты, отец, попроси батюшку. А то как жить? Земля малая, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда.

Сахатов (положил ложку в сумку 3-го мужика). *C'est fait* [9]. Готово. Пойдемте. (Уходит.)

Василий Леонидыч. А вы не скупитесь. А? Ну, прощайте. (Уходит.)

Явление шестнадцатое

Три мужика, кухарка и старый повар (на печке).

3-й мужик. Я говорил: на фатеру. Ну, по гривне, скажем, отдали бы, по крайности покойно, а тут помилуй бог. Деньги, говорит, давай. К чему это?

2-й мужик. Должно, выпимши.

Мужики переворачивают чашки, встают и крестятся.

1-й мужик. А ты помни, как он слово закинул, чтоб мяту сеять? Тоже понимать надо.

2-й мужик. Как же, мяту сей, вишь. Ты попытай-ка, горбом поворочай – запросишь мяты небось... Ну, благодарим покорно!.. А что ж, умница, где нам лечь тут?

Кухарка. Ложитесь – на печку один, а то по лавкам.

3-й мужик. Спаси Христос. (Молится богу.)

1-й мужик. Кабы бог дал свершения дела. (Ложится.) Завтра после обеда на машину бы закатились, во вторник и дома бы.

2-й мужик. Свет-то тушить будете?

Кухарка. Где тушить! Всё прибегать будут: то того, то другого... Да вы ложитесь, я заверну.

2-й мужик. На малой земле как проживешь? Я нынче ведь с рождества хлеб покупаю. И солома овсяная дошла. А то закатил бы четыре десятинки, Семку бы домой взял.

1-й мужик. Твое дело семейное. Без нужды! Землю уберешь, только подавай. Только бы свершилось дело.

3-й мужик. Царицу небесную просить надо. Авось смилосердуется.

Явление семнадцатое

Тишина, вздохи. Потом слышны топот шагов, шум голосов, двери растворяются настезь, и стремительно вваливаются: Гросман с завязанными глазами, держащий за руку Сахатова, профессор и доктор, толстая барыня и Леонид Федорович, Бетси и Петрищев, Василий Леонидыч и Марья Константиновна, барыня и баронесса, Федор Иваны и и Таня. Три мужика, кухарка и старый повар (невидим). Мужики вскакивают. Гросман входит быстрыми шагами, потом останавливается.

Толстая барыня. Вы не заботьтесь: я слежу, я взялась следить и строго исполняю свою обязанность. Сергей Иваныч, вы не ведете?

Сахатов. Да нет же.

Толстая барыня. Вы не ведите, но и не противьтесь. (К Леониду Федоровичу.) Я знаю эти опыты. Я сама их делала. Я, бывало, чувствую истечение, и как только почувствую...

Леонид Федорович. Позвольте попросить соблюдать тишину.

Толстая барыня. Ах, я это очень понимаю! Я это на себе испытала. Как только внимание развлеклось, я уж не могу...

Леонид Федорович. Шш...

Ходят, ищут около 1-го и 2-го мужика и подходят к 3-му. Гросман спотыкается на скамейку.

Баронесса. Mais dites-moi, on le paye? [10]

Барыня. Je ne saurais vous dire [11].

Баронесса. Mais c'est un monsieur? [12]

Барыня. Oh, oui [13].

Баронесса. Ça tient du miraculeux. N'est-ce pas? Comment est-ce qu'il trouve? [14]

Барыня. Je ne saurais vous dire. Mon mari vous l'expliquera. (Увидав мужиков, оглядывается и видит кухарку.) Pardon... [15] Это что?

Баронесса подходит к группе.

(Кухарке.) Кто пустил мужиков?

Кухарка. Яков привел.

Барыня. Якову кто приказал?

Кухарка. Не могу знать. Федор Иваныч их видели.

Барыня. Леонид!

Леонид Федорович не слышит, занят отыскиванием и шикает.

Федор Иваныч! Это что значит? Разве вы не видали, что я дезинфицировала всю переднюю, а теперь вы мне всю кухню заразили, черный хлеб, квас...

Федор Иваныч. Я полагал, что здесь не опасно; а люди по делу. Идти им далеко, а из своей деревни.

Барыня. В том-то и дело, что из курской деревни, где, как мухи, мрут от дифтерита. А главное – я приказывала, чтоб их не было в доме!.. Приказывала я или нет? (Подходит к кучке, собравшейся около мужиков.) Осторожнее! Не дотрогивайтесь до них: они все в дифтеритной заразе!

Никто ее не слушает; она с достоинством отходит и неподвижно стоит, дожидаясь.

Петрищев (сопит громко носом). Дифтеритная – не знаю, а некоторая другая зараза в воздухе есть. Вы слышите?

Бетси. Полноте врать! Вово, в какой сумке!

Василий Леонидыч. В той, той! Подходит, подходит.

Петрищев. Что это тут, духи или духи?

Бетси. Вот когда ваши папироски кстати. Курите, курите, ближе ко мне.

Петрищев нагибается и окуривает.

Василий Леонидыч. Добирается, я вам скажу. А, что?

Гросман (с беспокойством шарит около 3-го мужика). Здесь, здесь. Я чувствую, что здесь.

Толстая барыня. Истечение чувствуете?

Гросман нагибается к сумочке и достает ложку.

Все. Bravo!

Общий восторг.

Василий Леонидыч. А? так вот где наша ложечка нашлась! (На мужика.) Так ты так-то?

3-й мужик. Чего так-то? Не брал я твоей ложечки. И что путает? Не брал я, и не брал, и душа моя не знает. А вольно ему! Я видел, он приходил не за добрым. Кошель, говорит, давай. А я не брал, вот те Христос, не брал.

Молодежь обступает и смеется.

Леонид Федорович (сердито на сына). Вечно глупости! (3-му мужику.) Да не беспокойся, дружок! Мы знаем, что ты не брал; это опыт был.

Гросман (снимает повязку и делает вид, как бы очнулся). Воды, если можно... позвольте.

Все хлопочут около него.

Василий Леонидыч. Пойдемте отсюда в кучерскую. Я вам покажу, какой кобель один там у меня. *Epatant!* [16] А, что?

Бетси. И какое слово гадкое. Разве нельзя сказать: собака?

Василий Леонидыч. Нельзя. Ведь нельзя про тебя сказать: какая Бетси человек *épatant*? Надо сказать: девица; так и это. А, что? Марья Константиновна, правда? Хорошо? (Хохочет.)

Марья Константиновна. Ну, пойдём.

Марья Константиновна, Бетси, Петрищев и Василий Леонидыч уходят.

Явление восемнадцатое

Те же, без Бетси, Марьи Константиновны, Петрищевой и Василия Леонидыча.

Толстая барыня (Гросману). Что? как? Отдохнули? (Гросман не отвечает. К Сахатову.) Вы, Сергей Иванович, чувствовали истечение?

Сахатов. Я ничего не чувствовал. Да, прекрасно, прекрасно. Вполне удачно.

Баронесса. *Admirable! Ça ne le fait pas souffrir?* [17]

Леонид Федорович. *Pas le moins du monde* [18].

Профессор (Гросману). Позвольте вас попросить. (Подает термометр.) При начале опыта было тридцать семь и две. (Доктору.) Так, кажется? Да будьте добры, пульс проверьте. Трата неизбежна.

Доктор (Гросману). Ну-ка, господин, позвольте ваш пульс. Проверим, проверим. (Вынимает часы и держит его за руку.)

Толстая барыня (к Гросману). Позвольте. Но ведь то состояние, в котором вы находились, нельзя назвать сном?

Гросман (устало). Тот же гипноз.

Сахатов. Стало быть, надо понимать так, что вы сами гипнотизировали себя?

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Гросман. А отчего же нет? Гипноз может наступить не только при ассоциации, при звуке тамтам, например, как у Шарко, но и при одном вступлении в гипногенную зону.

Сахатов. Это так, положим, но все-таки желательно точнее определить, что такое гипноз?

Профессор. Гипноз есть явление превращения одной энергии в другую.

Гросман. Шарко не так определяет.

Сахатов. Позвольте, позвольте. Таково ваше определение, но либо мне сам говорил...

Доктор (оставляя пульс). А, хорошо, хорошо, только температуру теперь.

Толстая барыня (вмешиваясь). Нет, позвольте! Я согласна с Алексеем Владимировичем. И вот вам лучше всех доказательств. Когда я после своей болезни лежала без чувств, то на меня нашла потребность говорить. Я вообще молчалива, но тут явилась потребность говорить, говорить, и мне говорили, что я так говорила, что все удивлялись. (К Сахатову.) Впрочем, я вас перебила, кажется?

Сахатов (достойно). Нисколько. Сделайте одолжение.

Доктор. Пульс восемьдесят два, температура повысилась на ноль целых три десятых.

Профессор. Ну, вот вам и доказательство! Так и должно было быть. (Вынимает записную книжку и записывает.) Восемьдесят два, так? И тридцать семь и пять десятых? Как только вызван гипноз, так непременно усиленная деятельность сердца.

Доктор. Я как врач могу засвидетельствовать то, что ваше предсказание вполне подтвердилось.

Профессор (к Сахатову). Так вы говорили?..

Сахатов. Я хотел сказать, что либо мне сам говорил, что гипноз есть только особенное психическое состояние, увеличивающее внушаемость.

Профессор. Это так, но все-таки главное – закон эквивалентности.

Гросман. Кроме того, либо – далеко не авторитет, а Шарко всесторонне исследовал и доказал, что гипноз, производимый ударом, травмой...

Сахатов. Да я и не отрицаю трудов Шарко. Я его тоже знаю; я говорю только то, что говорил мне Либо.

Гросман (горячась). В Сальпетриере три тысячи больных, и я прослушал полный курс.

Профессор. Позвольте, господа, не в этом дело.

Толстая барыня (вмешиваясь). Я в двух словах вам объясню. Когда мой муж был болен, то все доктора отказались...

Леонид Федорович. Пойдемте, однако, в дом. Баронесса, пожалуйста!

Все уходят, говоря вместе и перебивая друг друга.

Явление девятнадцатое

Три мужика, кухарка, Федор Иваныч. Таня, старый повар (на печке). Леонид Федорович и барыня.

Барыня (останавливает за рукав Леонида Федоровича). Сколько раз я вас просила не распорядиться в доме! Вы знаете только свои глупости, а дом на мне. Вы заразите всех.

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Леонид Федорович. Да кто? Что? Ничего не понимаю.

Барыня. Как? Люди больные в дифтерите почуют в кухне, где постоянное сношение с домом.

Леонид Федорович. Да я...

Барыня. Что я?

Леонид Федорович. Да я ничего не знаю.

Барыня. Надо знать, коли вы отец семейства. Нельзя этого делать.

Леонид Федорович. Да я не думал... Я думал...

Барыня. Слушать вас противно!

Леонид Федорович молчит.

(К Федору Иванычу.) Сейчас вон! Чтоб их не было в моей кухне! Это ужасно. Никто не слушает, всё назло... Я оттуда их прогоню, они их сюда пустят. (Все больше и больше волнуется и доходит до слез.) Всё назло! Все назло! И с моей болью... Доктор! Доктор! Петр Петрович!.. И он ушел! (Всхлипывает и уходит, за ней Леонид Федорович.)

Явление двадцатое

Три мужика, Таня, Федор Иваныч, кухарка и старый повар (на печке). Картина. Все стоят долго молча.

3-й мужик. Ну их к богу совсем! Тут, того гляди, в полицию попадешь. А я в жизнь не судился. Пойдем на фатеру, ребята!

Федор Иваныч (Тане). Как же быть-то?

Таня. Да ничего, Федор Иваныч. В кучерскую их.

Федор Иваныч. Да как же в кучерскую? И то кучер жаловался, там полно собак.

Таня. Ну, так в дворницкую.

Федор Иваныч. А как узнают?

Таня. Ничего не узнают. Уж будьте покойны, Федор Иваныч. Разве можно их ночью гнать? Они и не найдут теперь.

Федор Иваныч. Ну, делай как знаешь, только бы тут их не было. (Уходит.)

Явление двадцать первое

Три мужика, Таня, кухарка и старый повар. Мужики собирают сумки.

Старый повар. Вишь, черти проклятые! С жиру-то! Черти!..

Кухарка. Молчи уж ты-то. Спасибо, не увидали.

Таня. Так пойдемте, дяденьки, в дворницкую.

1-й мужик. Ну, а что же дело-то наше? Как же, примерно, насчет подписки, руки приложения? Что ж, в надежде нам быть?

Таня. Вот через час всё узнаем.

2-й мужик. Исхитришься?

Таня (смеется). Как бог даст.

Занавес

Действие третье

Действие происходит вечером того же дня в маленькой гостиной, где всегда производятся у Леонида Федоровича опыты.

Явление первое

Леонид Федорович и профессор.

Леонид Федорович. Так как же, рискнуть сеанс с нашим новым медиумом?

Профессор. Непременно. Медиум несомненно сильный. Главное же, желательно, чтобы медиумический сеанс у нас был нынче же и с тем же персоналом. Гросман непременно должен отозваться на влияние медиумической энергии, и тогда связь и единство явлений будут еще очевиднее. Вы увидите, что если медиум будет так же силен, как сейчас, то Гросман будет вибрировать.

Леонид Федорович. Так я, знаете, пошлю за Семеном и приглашу желающих.

Профессор. Да, да, я только сделаю себе некоторые заметки. (Вынимает записную книжку и записывает.)

Явление второе

Те же и Сахатов.

Сахатов. Там у Анны Павловны сели в винт, а я, как остающийся за штатом... да, кроме того, интересующийся сеансом, вот являюсь к вам... Что ж, будет сеанс? Леонид Федорович. Будет, непременно будет! Сахатов. Как же, и без медиумической силы господина Капчича?

Леонид Федорович. Vous avez la main heureuse [19]. Представьте себе, тот самый мужик, о котором я вам говорил, оказался несомненный медиум.

Сахатов. Вот как! О, да это особенно интересно!

Леонид Федорович. Да, да. Мы после обеда сделали с ним маленький предварительный опыт.

Сахатов. Успели сделать и убедиться?..

Леонид Федорович. Вполне, и оказался замечательной силы медиум.

Сахатов (недоверчиво). Вот как!

Леонид Федорович. Оказывается, что в людской давно уж замечали. Он сядет к чашке, ложка сама вскакивает ему в руку. (К профессору.) Вы слышали?

Профессор. Нет, этого, собственно, я не слышал.

Сахатов (профессору). Но все-таки и вы допускаете возможность таких явлений?

Профессор. Каких явлений?

Сахатов. Ну, вообще, спиритических, медиумических, вообще сверхъестественных явлений.

Профессор. Дело в том, что мы называем сверхъестественным? Когда не живой человек, а кусок камня притянул к себе гвоздь, то каким показалось это явление для наблюдателей: естественным или сверхъестественным?

Сахатов. Да, конечно; но только такие явления, как притяжение магнита, постоянно повторяются.

Профессор. То же самое в здесь. Явление повторяется, и мы его подвергаем исследованию. Мало того, мы подводим исследуемые явления под общие другим

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
явлениям законы. Явления ведь кажутся сверхъестественными только потому, что причины явлений приписываются самому медиуму. Но ведь это неверно. Явления производимы не медиумом, но духовной энергией через медиума; а это разница большая. Все дело – в законе эквивалентности.

Сахатов. Да, конечно, но...

Явление третье
Те же и Таня (входит и становится за портьеру).

Леонид Федорович. Одно только знайте, что как с Юмом и с Капичем, так и теперь с этим медиумом вперед ни на что рассчитывать нельзя. Может быть неудача, а может быть и полная материализация.

Сахатов. Даже и материализация? Какая же может быть материализация?

Леонид Федорович. А такая, что придет умерший человек: отец ваш, дед, возьмет вас за руку, даст вам что-нибудь; или кто-нибудь вдруг подыметесь на воздух, как прошлый раз у нас с Алексеем Владимировичем.

Профессор. Конечно, конечно. Но главное дело – в объяснении явлений и подведении их под общие законы.

Явление четвертое
Те же и толстая барыня.

Толстая барыня. Анна Павловна мне позволила пройти к вам.

Леонид Федорович. Милости просим!

Толстая барыня. Но как, однако, Гросман устал. Он не мог чашки держать. Вы заметили, как он побледнел (к профессору) в ту минуту, как приблизился? Я сейчас же заметила, я первая сказала Анне Павловне.

Профессор. Несомненно, трата жизненной энергии,

Толстая барыня. Вот и я говорю, что этим злоупотреблять нельзя. Как же, гипнотизатор внушил одной моей знакомой, Верочке Коншиной, – да вы ее знаете, – чтоб она перестала курить, а у ней спина заболела.

Профессор (хочет начать говорить). Измерение температуры и пульс очевидно показывают...

Толстая барыня. Я сию минуту, позвольте. Я ей и говорю: уж лучше курить, но не страдать так нервами. Разумеется, что курить вредно, и я бы желала отвыкнуть, но, что хотите, не могу. Я раз две недели не курила, а потом не выдержала.

Профессор (опять делает попытку говорить). Показывают несомненно...

Толстая барыня. Да нет, позвольте! Я в двух словах. Вы говорите, что трата сил? И я хотела сказать, когда я ездила на почтовых... Дороги тогда были ужасные, вы этого не помните, а я замечала, и, как хотите, наша нервность вся от железных дорог. Я, например, в дороге спать не могу, – хоть убейте, а не засну.

Профессор (опять начинает, но толстая барыня не дает ему говорить). Трата сил...

Сахатов (улыбаясь). Да, да.

Леонид Федорович звонит.

Толстая барыня. Я одну, другую, третью ночь не буду спать, а все-таки не засну.

Явление пятое
Те же и Григорий.

Леонид Федорович. Скажите, пожалуйста, Федору приготовить все для сеанса и позовите Семена сюда – буфетного мужика, Семена, слышите?

Григорий. Слушаю-с! (Уходит.)

Явление шестое

Леонид Федорович, профессор, толстая барыня и Таня (спрятанная).

Профессор (к Сахатову). Измерение температуры в пульс показали трату жизненной энергии. То же будет и при медиумических проявлениях. Закон сохранения энергии...

Толстая барыня. Да, да. Я только еще хотела сказать, что я очень рада, что простой мужик оказался медиум. Это прекрасно. Я всегда говорила, что славянофилы...

Леонид Федорович. Пойдемте пока в гостиную.

Толстая барыня. Позвольте, я в двух словах... Славянофилы правы, но я всегда говорила своему мужу, что ни в чем не надо преувеличивать. Золотая середина, знаете. А то как же утверждать, что в народе все хорошо, когда я сама видела...

Леонид Федорович. Не угодно ли в гостиную?

Толстая барыня. Вот такой мальчик и уж пьет. Я его сейчас же разбранила. И он благодарен был потом. Они – дети, а детям, я всегда говорила, нужна и любовь и строгость.

Все уходят, разговаривая.

Явление седьмое

Таня (одна выходит из-за двери).

Таня. Ах, удалось бы только! (Завязывает нитки.)

Явление восьмое

Таня и Бетси (входит поспешно).

Бетси. Папа нет тут? (Вглядываясь в Таню.) Ты что тут?

Таня. А я так, Лизавета Леонидовна, вошла... хотела... так вошла... (Смущается.)

Бетси. Да ведь тут сеанс сейчас будет? (Замечает, что Таня собирает нитки, пристально смотрит на нее и вдруг заливается хохотом.) Таня! это ведь ты все делаешь? Да уж не отпирайся. И тот раз ты? Ведь ты, ты?

Таня. Лизавета Леонидовна, голубушка!

Бетси (в восторге). Ах, как это хорошо! Вот не ожидала! Зачем же ты это делала?

Таня. Барышня, милая, да вы не выдайте!

Бетси. Да нет, ни за что. Я ужасно рада! Да как же ты делаешь?

Таня. Да так и делаю: спрячусь, а потом, как потушат, вылезу и делаю.

Бетси (показывая на нитку). А это зачем? Да, не говори, понимаю, задеваешь...

Таня. Лизавета Леонидовна, голубушка, я только вам откроюсь. Прежде я так шалила, а теперь дело хочу сделать.

Бетси. Как, что? Какое дело?

Таня. Да вот, видели, мужики пришли, хотят землю купить, а папаша не продает и бумагу не подписали и им назад отдали. Федор Иваныч говорит: духи ему запретили. Вот я и вздумала.

Бетси. Ах, какая же ты умница! Делай, делай. Да как же ты будешь делать?

Таня. Да я так придумала: как они свет потушат, сейчас я начну стучать, швырять, ниткой их по головам, а под конец бумагу об земле – она у меня – и брошу на стол.

Бетси. Ну и что ж?

Таня. А как же? Они удивятся. Бумага была у мужиков, и вдруг здесь. А тут же велю...

Бетси. Да ведь Семен нынче медиум!

Таня. Так я ему велю... (Не может говорить от смеха.) Велю давить руками, кто под рукой будет. Только не папашу, – это он не посмеет, – и пусть давит кого других, пока подпишут.

Бетси (смеется). Да ведь так не делают. Медиум сам ничего не делает.

Таня. Да ничего, это все одно, – авось и так выйдет.

Явление девятое

Таня и Федор Иваныч. Бетси делает знаки Тане и уходит.

Федор Иваныч (Тане). Ты что тут?

Таня. Да я к вам, Федор Иваныч, батюшка!..

Федор Иваныч. Чего же ты?

Таня. Да об деле моем, к вам, что я просила.

Федор Иваныч (смеясь). Сосватал, сосватал, и по рукам ударили. Только не пили.

Таня (взвизгивает). Неужто заправду?

Федор Иваныч. Да уж я тебе говорю. Он говорит: со старухой посоветуюсь, да и с богом.

Таня. Так и сказал?.. (Взвизгивая.) Ай, голубчик, Федор Ивавыч, век за вас буду бога молить!

Федор Иваныч. Ну, ладно, ладно. Теперь некогда. Велено убирать для сеанса.

Таня. Дайте я вам пособлю. Как же убирать?

Федор Иваныч. Да как? Да вот: стол посреди комнаты, стулья, гитару, гармонию. Лампу не надо – свечи.

Таня (устанавливает все с Федором, Иванычем). Так, что ли? Сюда гитару, сюда чернильницу... (Ставит.) Так?

Федор Иваныч. Да неужели в самом деле Семена посадят?

Таня. Должно быть. Ведь уж сажали.

Федор Иваныч. Удивление! (Надевает рinсе-pez.) да чист ли он?

Таня. Почем я знаю!

Федор Иваныч. Так ты вот что...

Таня. Что, Федор Иванович?

Федор Иванович. Поди ты, возьми щеточку ногтяную и мыла Тридас, – хоть у меня возьми... И все ты ему остриги когти и вымой чисто-начисто.

Таня. Он и сам вымоет.

Федор Иванович. Ну так скажи только. Да белье вели надеть чистое.

Таня. Хорошо, Федор Иванович. (Уходит.)

Явление десятое

Федор Иванович один, садится в кресло.

Федор Иванович. Учены, учены, хоть бы Алексей Владимирович, профессор он, а все другой раз сильно сомнение берет. Народные суеверия, грубые, истребляются, суеверия домовых, колдунов, ведьм... А ведь если вникнуть, ведь это такое же суеверие. Ну, разве возможно это, чтобы души умерших и говорили бы и на гитаре играли бы? А дурачит их кто-нибудь или сами себя. А уж это с Семеном и не поймешь что. (Рассматривает альбом.) Ведь вот их альбом спиритический. Ну, возможное ли это дело, чтобы фотографию с духа снять? А вот изображение – турок и Леонид Федорович сидят. Удивительна слабость человеческая!

Явление одиннадцатое

Федор Иванович и Леонид Федорович.

Леонид Федорович (входя). Что, готово?

Федор Иванович (встает не торопясь). Готово. (Улыбаясь.) Только не знаю, как бы ваш новый медиум не скомпрометовал вас, Леонид Федорович.

Леонид Федорович. Нет, мы испытывали с Алексеем Владимировичем. Удивительно сильный медиум!

Федор Иванович. Уж этого не знаю. Только чист ли он? Вы вот не позаботились руки ему велеть вымыть. А то все-таки неудобно.

Леонид Федорович. Руки? Ах, да. Нечисты, ты думаешь?

Федор Иванович. Да как же, мужик. А тут дамы, и Марья Васильевна.

Леонид Федорович. Ну и прекрасно.

Федор Иванович. Да еще я хотел вам доложить: Тимофей, кучер, приходил жаловаться, что нельзя ему чистоту соблюсти от собак.

Леонид Федорович (устанавливая предметы на столе, рассеянно). Каких собак?

Федор Иванович. Да Василью Леонидычу нынче борзых привели тройку, в кучерскую поместили.

Леонид Федорович (досадливо). Скажи Анне Павловне, как она хочет, а мне и некогда.

Федор Иванович. Да ведь вы знаете их пристрастие...

Леонид Федорович. Ну, как хочет она, так и делает. А от него мне, кроме неприятностей... да и некогда.

Явление двенадцатое

Те же и Семен (в поддевке, входит, улыбается).

Семен. Приказали прийти?

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Леонид Федорович. Да, да. Покажи руки. Ну, и прекрасно, прекрасно. Так вот, дружок, ты так же делай, как давеча, садись и отдавайся чувству. А сам ничего не думай.

Семен. Чего ж думать? Что думать, то хуже.

Леонид Федорович. Вот, вот, вот. Чем менее сознательно, тем сильнее. Не думай, а отдавайся настроению: хочется спать – спи, хочется ходить – ходи; понимаешь?

Семен. Как не понять? Хитрости тут нисколько.

Леонид Федорович. И главное – не смущайся. А то ты сам можешь удивиться. Ты пойми, что как мы живем, так невидимый мир духов тут же живет.

Федор Иваныч (поправляя). Незримые существа, понимаешь?

Семен (смеется). Как не понять? Как вы сказывали, так это очень просто.

Леонид Федорович. Можешь подняться на воздух или еще что-нибудь, то ты не робей.

Семен. Чего ж робеть? Это все можно.

Леонид Федорович. Ну, так я пойду позову всех. Все готово?

Федор Иваныч. Кажется, всё.

Леонид Федорович. А грифельные доски?

Федор Иваныч. Внизу, сейчас принесу. (Уходит.)

Явление тринадцатое
Леонид Федорович и Семен.

Леонид Федорович. Ну, так хорошо. Так ты не смущайся и будь свободнее.

Семен. Нешто поддевку снять: оно слободнее будет.

Леонид Федорович. Поддевку? Нет, нет, не надо. (Уходит.)

Явление четырнадцатое
Семен один.

Семен. Опять то же велела делать, а она опять будет свое швырять. И как она не боится?

Явление пятнадцатое
Семен и Таня (входят без ботинок, в платье цвета обой); Семен хохочет.

Таня (шикает). Шш!.. Услышат! Вот на пальцы спички наклеи, как давеча. (Наклеивает.) Что же, все помнишь?

Семен (загибая пальцы). Перво-наперво спички намочить. Махать – раз. Другое дело – зубами трещать, вот так... – два. Вот третье забыл.

Таня. А третье-то пуще всего. Ты помни: как бумага на стол падет – я еще в колокольчик позвоню, – так ты сейчас же руками вот так... Разведи шире и захватывай. Кто возле сидит, того и захватывай. А какхватишь, так жми. (Хохочет.) Барин ли, барыня ли, знай – жми, все жми, да и не выпускай, как будто во сне, а зубами скрипи али рычи, вот так... (Рычит.) А как я на гитаре заиграю, так как будто просыпайся, потянись, знаешь, так, и проснись... Все помнишь?

Семен. Все помню, только смешно больно.

Таня. А ты не смейся. А засмеешься – это еще не беда. Они подумают, что во сне. Одно только, взаправду не засни, как они свет-то потушат.

Семен. Небось, я себя за уши щипать буду.

Таня. Так ты смотри, Семочка, голубчик. Только делай все, не робей. Подпишет бумагу. Вот увидишь. Идут... (Лезет под диван.)

Явление шестнадцатое

Семен и Таня. Входят Гросман, профессор, Леонид Федорович, толстая барыня, доктор, Сахатов, барыня. Семен стоит у дверей.

Леонид Федорович. Милости просим, все неверующие! Несмотря на то, что медиум новый, случайный, я нынче жду очень знаменательных проявлений.

Сахатов. Очень, очень интересно.

Толстая барыня (на Семена). Mais il est très bien [20].

Барыня. Как буфетный мужик, да, но только...

Сахатов. Жены всегда не верят в дело своих мужей. Вы совсем не допускаете?

Барыня. Разумеется, нет. В Капчиче, правда, есть что-то особенное, но уж это бог знает что такое!

Толстая барыня. Нет, позвольте, Анна Павловна, это нельзя так решать. Когда еще я была не замужем, видела один замечательный сон. Сны, знаете, бывают такие, что вы не знаете, когда начинается, когда кончается; так я видела именно такой сон...

Явление семнадцатое

Те же, Василий Леонидыч и Петрищев входят.

Толстая барыня. И мне многое было открыто этим сном. Нынче уж эти молодые люди (указывает на Петрищева и на Василья Леонидыча) всё отрицают.

Василий Леонидыч. А я никогда, я вам скажу, ничего не отрицаю. А, что?

Явление восемнадцатое

Те же. Входят Бетси и Марья Константиновна и вступают в разговор с Петрищевым.

Толстая барыня. А как же можно отрицать сверхъестественное? Говорят: не согласно с разумом. Да разум-то может быть глупый, тогда что? Ведь вот на Садовой, – вы слышали? – каждый вечер являлось. Брат моего мужа – как это называется?.. не beau-frère [21], а по-русски... не свекор, а еще как-то? Я никогда не могу запомнить этих русских названий, – так он ездил три ночи сряду и все-таки ничего не видал, так я и говорю...

Леонид Федорович. Так кто же да кто остается?

Толстая барыня. Я, я!

Сахатов. Я!

Барыня (к доктору). Неужели вы остаетесь?

Доктор. Да, надо хоть раз посмотреть, что тут Алексей Владимирович находит. Отрицать бездоказательно тоже нельзя.

Барыня. Так решительно принять нынче вечером?

Доктор. Кого принять?.. Ах да, порошок. Да, примите, пожалуй. Да, да, примите... Да я зайду.

Барыня. Да, пожалуйста. (Громко.) Когда кончите, messieurs et mesdames, милости просим ко мне отдохнуть от эмоций, да и винт докончим.

Толстая барыня. Непременно.

Сахатов. Да, да!

Барыня уходит.

Явление девятнадцатое
Те же, без барыни.

Бетси (Петрищеву). Я вам говорю, оставайтесь. Я вам обещаю необыкновенные вещи. Хотите пари?

Марья Константиновна. Да разве вы верите?

Бетси. Нынче верю.

Марья Константиновна (Петрищеву). А вы верите?

Петрищев. «Не верю, не верю обетам коварным». Ну, да если Елизавета Леонидовна велит...

Василий Леонидыч. Останемся, Марья Константиновна. А, что? Я что-нибудь такое ёрзатант придумаю.

Марья Константиновна. Нет, вы не смешите. Я ведь не могу удержаться.

Василий Леонидыч (громко). Я – остаюсь!

Леонид Федорович (строго). Прошу только тех, кто остается, не делать из этого шутки. Это дело серьезное.

Петрищев. Слышишь? Ну, так останемся. Вово, садись сюда, да смотри не робей.

Бетси. Да, вы смеетесь, а вот увидите, что будет.

Василий Леонидыч. А что как в самом деле? Вот штука-то будет! А, что?

Петрищев (дрожит). Он, боюсь, боюсь. Марья Константиновна, боюсь!.. дрожки ножат.

Бетси (смеется). Тише!

Все садятся.

Леонид Федорович. Садитесь, садитесь. Садись, Семен!

Семен. Слушаю-с. (Садится на край стула.)

Леонид Федорович. Садись хорошенько.

Профессор. Садитесь правильно, на середину стула, совершенно свободно. (Усаживает Семена.)

Бетси, Марья Константиновна и Василий Леонидыч хохочут.

Леонид Федорович (возвышая голос). Прошу тех, кто остается, не шалить и относиться к делу серьезно. Могут быть дурные последствия. Вово, слышишь? Если не будешь сидеть смиренно, уйди.

Василий Леонидыч. Смирно! (Прячется за спину толстой барыни.)

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Леонид Федорович. Алексей Владимирович, вы усыпите.

Профессор. Нет, зачем же я, когда Антон Борисович тут? У него гораздо больше и практики в этом отношении и силы... Антон Борисович!

Гросман. Господа! я, собственно, не спирит. Я только изучал гипноз. Гипноз я изучал, правда, во всех его известных проявлениях. Но то, что называется спиритизмом, мне совершенно неизвестно. От усыпления субъекта я могу ожидать известных мне явлений гипноза: летаргии, абулии, анестезии, анелгезии, катаlepsии и всякого рода внушений. Здесь же предполагаются к исследованию не эти, а другие явления, и потому желательнее бы было знать, какого рода эти ожидаемые явления и какое они имеют научное значение.

Сахатов. Вполне присоединяюсь к мнению господина Гросмана. Такое разъяснение было бы очень и очень интересно.

Леонид Федорович (к профессору). Я думаю, Алексей Владимирович, вы не откажетесь объяснить вкратце.

Профессор. Отчего ж, я могу объяснить, если этого желают. (К доктору.) А вы, пожалуйста, измерьте температуру и пульс. Объяснение мое будет неизбежно поверхностно и кратко.

Леонид Федорович. Да, вкратце, вкратце...

Доктор. Сейчас. (Вынимает термометр и подает.) Ну-ка, молодец!.. (Устанавливает.)

Семен. Слушаю-с.

Профессор (вставая и обращаясь к толстой барыне, а потом садясь). Господа! Явление, которое мы исследуем, представляется обыкновенно, с одной стороны, как нечто новое, с другой стороны, как нечто выходящее из ряда-естественных условий. Ни то, ни другое не справедливо. Явление это не ново, а старо, как мир, и не сверхъестественно, а подлежит все тем же вечным законам, которым подлежит и все существующее. Явление это определялось обыкновенно как общение с миром духовным. Определение это неточно. По определению этому мир духовный противопоставляется миру материальному, но это несправедливо: противопоставления этого нет. Оба мира так тесно соприкасаются, что нет никакой возможности провести демаркационную линию, отделяющую один мир от другого. Мы говорим: материя слагается из молекул...

Петрищев. Скучная материя!

Шепот, хохот.

Профессор (остановившись и потом продолжая). Молекулы – из атомов, но атомы, не имея протяжения, суть, в сущности, не что иное, как точки приложения сил. То есть, строго говоря, не сил, а энергии – той самой энергии, которая так же едина и неуничтожима, как и материя. Но как материя одна, а виды ее различны, так точно и энергия. До последнего времени нам были известны только четыре превращающиеся один в другой вида энергии. Нам известны энергии: динамическая, термическая, электрическая и химическая. Но четыре вида энергии далеко не исчерпывают всего разнообразия ее проявлений. Виды проявления энергии многообразны, и один из таких новых, малоизвестных видов энергии и исследуется нами. Я говорю об энергии медиумизма...

Опять шепот и хохот в углу молодежи.

(Останавливается и, строго оглянувшись, продолжает.) Медиумическая энергия известна человечеству давным-давно: предсказания, предчувствия, виденья и многие другие – все это не что иное, как проявление медиумической энергии. Явления, производимые ею, известны давным-давно. Но самая энергия не признавалась таковой до самого последнего времени, до тех пор, пока не было признано той среды,

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru колебания которой и производят медиумические явления. И точно так же, как явления света были необъяснимы до тех пор, пока не было признано существование невесомого вещества, эфира, – точно так же и медиумические явления казались таинственными до тех пор, пока не была призвана та несомненная теперь истина, что в промежутках частиц эфира находится другое, еще более топкое, чем эфир, невесомое вещество, не подлежащее закону трех измерений...

Опять шепот, хохот и повизгивание.

(Опять оглядывается строго.) И точно так же, как математические вычисления подтвердили неопровержимо существование невесомого эфира, дающего явления света в электричества, точно так же блестящий ряд самых точных опытов гениального Германа Шмита и Иосифа Шмацфена несомненно подтвердили существование того вещества, которое наполняет вселенную и может быть названо духовным эфиром.

Толстая барыня. Да, теперь я понимаю. Как я благодарна...

Леонид Федорович. Да; но нельзя ли, Алексей Владимирович, несколько... сократить?

Профессор (не отвечая). Итак, ряд строго научных опытов и исследований, как я имел честь сообщить вам, выяснили нам законы медиумических явлений. Опыты эти выяснили вам то, что погружение некоторых личностей в гипнотическое состояние, отличающееся от обыкновенного сна только тем, что при погружении в этот сон деятельность физиологическая не только не понижается, но всегда повышается, как это мы сейчас видели, – оказалось, что погружение в это состояние какого бы то ни было субъекта неизменно влечет за собой некоторые пертурбации в духовном эфире – пертурбации, совершенно подобные тем, которые производит погружение твердого тела в жидкое. Пертурбации же эти и суть то, что мы называем медиумическими явлениями...

Хохот, шепот.

Сахатов. Это соисрешпно справедливо и понятно; но позвольте спросить: если, как вы изволите говорить, погружение медиума в сон производит пертурбации духовного эфира, то почему же эти пертурбации выражаются всегда, как это подразумевается обыкновенно в спиритических сеансах, проявлением деятельности душ умерших личностей?

Профессор. А потому, что частицы этого духовного эфира суть не что иное, как души живых, умерших и неродившихся, так что всякое сотрясение этого духовного эфира неизбежно вызывает известное движение его частиц. Частицы же эти суть не что иное, как души людей, входящие этим движением в общение между собою.

Толстая барыня (к Сахатову). Что же тут не понимать? Это так просто... Очень, очень благодарю вас!

Леонид Федорович. Мне кажется, что теперь все ясно, и мы можем приступить.

Доктор. Малый в самых нормальных условиях: температура тридцать семь и две десятых, пульс семьдесят четыре.

Профессор (вынимает книжку и записывает). Подтверждением того, что я имел честь сообщить, может служить то, что погружение медиума в сон неизбежно, как мы сейчас и увидим, вызовет подъем температуры и пульса, точно так же, как и при гипнозе.

Леонид Федорович. Да, да, виноват, я только хотел сказать Сергею Иванычу на то, что он спрашивал: почему мы узнаем, что с нами общаются души умерших? Мы узнаем это потому, что тот дух, который приходит, прямо нам говорит, – просто, как я говорю, – говорит нам, кто он и зачем пришел, и где он, и хорошо ли ему? Последний сеанс был испанец дон Кастильос, и он все сказал нам. Он сказал нам, кто он, и когда умер, и то, что ему тяжело за то, что он участвовал в инквизиции. Мало того, он сообщил нам то, что с ним случилось в то самое время,

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru как он говорил с нами, а именно то, что в то самое время, как он говорил с нами, он должен был вновь родиться на землю и потому не мог докончить начатого с нами разговора. Да вот вы сами увидите...

Толстая барыня (перебивая). Ах, как интересно! Может быть, испанец у нас в доме родился и маленький теперь.

Леонид Федорович. Очень может быть.

Профессор. Я думаю, пора бы начинать.

Леонид Федорович. Я только хотел сказать...

Профессор. Поздно уж.

Леонид Федорович. Ну, хорошо. Так можем приступить. Пожалуйста, Антон Борисович, усыпите медиума...

Гросман. Как вы желаете, чтоб я усыпил субъекта? Есть много употребительных приемов. Есть способ Бреда, есть египетский символ, есть способ Шарко.

Леонид Федорович (к профессору). Это все равно, я думаю.

Профессор. Безразлично.

Гросман. Так я употреблю свой способ, который я демонстрировал в Одессе.

Леонид Федорович. Пожалуйста!

Гросман машет руками над Семеном, Семен закрывает глаза и потягивается.

Гросман (приглядывается). Засыпает, заснул. Замечательно быстрое наступление гипноза. Очевидно, субъект уже вступил в анестетическое состояние. Замечательно, необыкновенно восприимчивый субъект и мог бы быть подвергнут интересным опытам!.. (Садится, встает, опять садится.) Теперь можно бы проколоть ему руки. Если желаете...

Профессор (к Леониду Федоровичу). Замечаете, как сон медиума действует на Гросмана? Он начинает вибрировать.

Леонид Федорович. Да, да... Теперь можно тушить?

Сахатов. Но почему же нужна темнота?

Профессор. Темнота? А потому что темнота есть одно из условий, при которых проявляется медиумическая энергия, так же как известная температура есть условие известных проявлений химической или динамической энергии.

Леонид Федорович. И не всегда. Многим, и мне, являлись и при свечах, и при солнце.

Профессор (перебивая). Можно тушить?

Леонид Федорович. Да, да. (Тушит свечи.) Господа! теперь прошу вниманья.

Таня вылезает из-под дивана и берет в руки нитку, привязанную к бра.

Петрищев. Нет, мне понравился испанец. Как он, в середине разговора, вниз головой... что называется: *piquer une tête* [22].

Бетси. Нет, вы подождите, посмотрите, что будет!

Петрищев. Я одного боюсь: как бы Вово не захрюкал поросенком.

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
Василий Леонидыч. Хотите? Я хвачу...

Леонид Федорович. Господа! прошу не разговаривать, пожалуйста...

Тишина. Семен лижет палец, мажет им косточки на руке и машет ими.

Свет! Видите свет?

Сахатов. Свет! Да, да, вижу; но позвольте...

Толстая барыня. Где, где? Ах, не видала! Вот он. Ах!..

Профессор (к Леониду Федоровичу шепотом, указывая на Гросмана, который двигается). Вы заметьте, как он вибрирует. Двойная сила.

Опять показывается свет.

Леонид Федорович (к профессору). А ведь это он.

Сахатов. Кто он?

Леонид Федорович. Грек Николай. Его свет. Не правда ли, Алексей Владимирович?

Сахатов. Что такое грек Николай?

Профессор. Некий грек, монашествовавший при Константине в Царьграде и посещавший нас последнее время.

Толстая барыня. Где же он? Где же он? Я не вижу.

Леонид Федорович. Его нельзя еще видеть. Алексей Владимирович, он всегда особенно благосклонен к вам. Спросите его.

Профессор (особенным голосом). Николай! Ты это?

Таня стучит два раза о стену.

Леонид Федорович (радостно). Он! Он!

Толстая барыня. Ай, ай! Я уйду.

Сахатов. Почему же предполагается, что это он?

Леонид Федорович. А два удара. Утвердительный ответ; иначе было бы молчание.

Молчание. Сдержанный хохот в углу молодежи. Таня бросает на стол колпак с лампы, карандаш, утиралку перьев.

(Шепотом.) Замечайте, господа, вот колпак с лампы. Еще что-то. Карандаш! Алексей Владимирович, карандаш.

Профессор. Хорошо, хорошо. Я слежу и за ним и за Гросманом. Вы замечаете?

Гросман встает и оглядывает предметы, упавшие на стол.

Сахатов. Позвольте, позвольте. Я бы желал посмотреть, не производит ли всего этого сам медиум?

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Леонид Федорович. Вы думаете? Так сядьте подле, держите его за руки. Но будьте уверены, он спит.

Сахатов (подходит, задевает головой за нитку, которую спускает Таня, и испуганно нагибается). Да...а-а!.. Странно, странно. (Подходит, берет за локоть Семена. Семен рычит.)

Профессор (к Леониду Федоровичу). Слышите, как действует присутствие Гросмана? Новое явление, надо записать... (Выбегает и записывает, потом возвращается.)

Леонид Федорович. Да... Но нельзя же оставлять Николая без ответа, надо начинать...

Гросман (встает, подходит к Семену, поднимает и опускает его руку). Теперь интересно бы произвести контрактуру. Субъект в полном гипнозе.

Профессор (к Леониду Федоровичу). Вы видите, видите?

Гросман. Если вы желаете...

Доктор. Да уж позвольте, батюшка, Алексею Владимировичу распорядиться, штука-то выходит серьезная.

Профессор. Оставьте его. Он говорит уже во сне.

Толстая барыня. Как я рада теперь, что решилась присутствовать. Страшно, но все-таки я рада, потому что я мужу всегда говорила...

Леонид Федорович. Прошу помолчать.

Таня проводит ниткой по голове толстой барыни.

Толстая барыня. Ай!

Леонид Федорович. Что? Что?

Толстая барыня. Он меня за волосы взял.

Леонид Федорович (шепотом). Не бойтесь, ничего, подайте ему руку. Рука бывает холодная, но я это люблю.

Толстая барыня (прячет руку). Ни за что!

Сахатов. Да, странно, странно!

Леонид Федорович. Он здесь и ищет общения. Кто хочет спросить что-нибудь?

Сахатов. Позвольте, я спрошу.

Профессор. Сделайте одолжение.

Сахатов. Верю я или нет?

Таня стучит два раза.

Профессор. Ответ утвердительный.

Сахатов. Позвольте, я еще спрошу. Есть у меня в кармане десятирублевая бумажка?

Таня стучит мною раз и проводит ниткой по голове Сахатова.

Ах!.. (Хватает нитку и обрывает ее.)

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

Профессор. Я бы просил присутствующих не делать неопределенных или шуточных вопросов. Ему неприятно.

Сахатов. Нет, позвольте, у меня в руке нитка.

Леонид Федорович. Нитка? Держите ее. Это часто бывает; не только нитка, но шелковые шнуры, самые древние.

Сахатов. Нет, однако откуда же нитка?

Таня бросает в него подушкой.

Позвольте, позвольте! Что-то мягкое ударило меня в голову. Позвольте свет, – тут что-нибудь...

Профессор. Мы просим вас не нарушать проявления.

Толстая барыня. Ради бога, не нарушайте! И я хочу спросить, можно?

Леонид Федорович. Можно, можно. Спрашивайте.

Толстая барыня. Я хочу спросить о своем желудке. Можно? Я хочу спросить, что мне принимать, аконит или белладонну?

Молчание, шепот в стороне молодых людей, и вдруг Василий Леонидыч кричит, как грудной ребенок: «Уа! Уа!» Хохот. Захватывая носы и рты в фыркающую девицу с Петрищевым убегают.

Ах, это верно, и этот монах опять родился!

Леонид Федорович (в бешенстве, гневным шепотом). Кроме глупости, от тебя ничего. Если не умеешь держать себя прилично, то уйди.

Василий Леонидыч уходит.

Явление двадцатое

Леонид Федорович, профессор, толстая барыня, Сахатов, Гросман, доктор, Семен и Таня. Темнота, молчание.

Толстая барыня. Ах, как жаль! Теперь уж нельзя спрашивать. Он родился.

Леонид Федорович. Нисколько. Это глупости Вово. А он тут. Спрашивайте.

Профессор. Это часто бывает; эти шуточки, насмешки – самое обыкновенное явление. Я полагаю, что он здесь еще. Впрочем, мы можем спросить. Леонид Федорович, вы?

Леонид Федорович. Нет, пожалуйста, вы. Меня это расстроило. Так неприятно! Эта бестактность!..

Профессор. Хорошо, хорошо!.. Николай! ты здесь еще?

Таня стучит два раза и звонит в колокольчик. Семен начинает рычать и разводить руками. Захватывает Сахатова и профессора и давит их.

Какое неожиданное проявление! Воздействие на самого медиума. Этого не бывало. Леонид Федорович, наблюдайте, мне неловко. Он давит меня. Да смотрите, что Гросман? Теперь нужно полное внимание.

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
Таня бросает мужицкую бумагу на стол.

Леонид Федорович. Что-то упало на стол.

Профессор. Смотрите, что упало.

Леонид Федорович. Бумага! Сложенный лист бумаги.

Таня бросает дорожную чернильницу.

Чернильница!

Таня бросает перо.

Перо!

Семен рычит и давит.

Профессор (задавленный). Позвольте, позвольте, совершенно новое явление: не вызванная медиумическая энергия действует, а сам медиум. Однако откройте чернильницу и положите на бумагу перо, он напишет, напишет.

Таня заходит сзади Леонида Федоровича и бьет его по голове гитарой.

Леонид Федорович. Ударил меня по голове! (Смотрит на стол.) Перо не пишет еще, и бумага сложена.

Профессор. Посмотрите, что за бумага, делайте скорей; очевидно, двойная сила: его и Гросмана – производит пертурбации.

Леонид Федорович (выходит с бумагой в дверь и тотчас возвращается). Необычайно! Бумага эта – договор с крестьянами, который я нынче утром отказался подписать и отдал назад крестьянам. Вероятно, он хочет, чтоб я подписал его?

Профессор. Разумеется! Разумеется! Да вы спросите.

Леонид Федорович. Николай! Или ты желаешь...

Таня стучит два раза.

Профессор. Слышите? Очевидно, очевидно!

Леонид Федорович берет перо и выходит.

Таня стучит, играет на гитаре и гармонии и лезет опять под диван. Леонид Федорович возвращается. Семен потягивается и прокашливается.

Леонид Федорович. Он просыпается. Можно зажечь свечи.

Профессор (поспешно). Доктор, доктор, пожалуйста, температуру и пульс. Вы увидите, что сейчас обнаружится повышение.

Леонид Федорович (зажигает свечи). Ну что, господа неверующие?

Доктор (подходя к Семену и вставляя термометр). Ну-ка, молодец. Что, поспал?

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Ну-ка, это вставь и давай руки. (Смотрит на часы.)

Сахатов (пожимает плечами). Могу утверждать, что медиум не мог делать всего того, что происходило. Но нитка?.. Я бы желал объяснения нитки.

Леонид Федорович. Нитка, нитка! Тут были явления посерьезнее.

Сахатов. Не знаю. Во всяком случае – *je réserve mon opinion* [23].

Толстая барыня (к Сахатову). Нет, как же вы говорите: *je réserve mon opinion*. А младенец-то с крылышками? Разве вы не видали? Я сначала подумала, что ото кажется; но потом ясно, ясно, как живой...

Сахатов. Могу говорить только о том, что видел. Я не видал этого, не видал.

Толстая барыня. Ну как же! Совсем ясно было видно. А с левой стороны монах в черном одеянье, еще нагнулся к нему...

Сахатов (отходит). Какое преувеличение!

Толстая барыня (обращается к доктору). Вы должны были видеть. Он с вашей стороны поднимался.

Доктор, не слушая ее, продолжает считать пульс.

(Гросману.) И свет, свет от него, особенно вокруг личика. И выраженье такое кроткое, нежное, что-то вот этакое небесное! (Сама нежно улыбается.)

Гросман. Я видел свет фосфорический, предметы изменяли место, но более я ничего не видел.

Толстая барыня. Ну, полноте! Это вы так. Это оттого, что вы, ученые школы Шарко, не верите в загробную жизнь. А меня никто теперь, никто в мире не разуверит в будущей жизни.

Гросман уходит от нее.

Нет, нет, что ни говорите, а это одна из самых счастливых минут в моей жизни. Когда Саразате играл, и эта... Да! (Никто ее не слушает. Она подходит к Семену.) Ну, ты мне скажи, ты, дружок, что чувствовал? Очень тебе было тяжело?

Семен (смеется.) Так точно.

Толстая барыня. Все-таки терпеть можно?

Семен. Так точно. (К Леониду Федоровичу.) Прикажете идти?

Леонид Федорович. Иди, иди.

Доктор (к профессору). Пульс тот же, но температура понизилась.

Профессор. Понизилась? (Задумывается и вдруг догадывается.) Так и должно было быть, – должно было быть понижение! Двойная энергия, пересекаясь, должна была произвести нечто вроде интерференции. Да, да.

Леонид Федорович. Мне одно жалко, что полной материализации не было. Но все-таки... господа, милости просим в гостиную.

Толстая барыня. Особенно меня поразило, когда он взмахнул крылышками, и видно было, как он поднимается.

Гросман (Сахатову). Если бы держаться одного гипноза, можно бы произвести полную эпилепсию. Успех мог бы быть совершенный.

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
Сахатов. Интересно, но не вполне убедительно! – все, что могу сказать.

Явление двадцать первое
Леонид Федорович с бумагой. Входит Федор Иваныч.

Леонид Федорович. Ну, Федор, какой сеанс был удивительный! Оказывается, что землю-то надо уступить крестьянам на их условиях.

Федор Иваныч. Вот как!

Леонид Федорович. Да как же? (Показывает бумагу.) Представь, бумага, которую я им отдал, оказалась на столе. Я подписал.

Федор Иваныч. Как же она попала сюда?

Леонид Федорович. Да вот попала. (Уходит.)

Федор Иваныч уходит за ним.

Явление двадцать второе
Таня одна, вылезает из-под дивана и смеется.

Таня. Батюшки мои! Голубчики! Набралась я страху, как он за нитку поймал. (Визжит.) Ну, да все-таки вышло, – подписал!

Явление двадцать третье
Таня и Григорий.

Григорий. Так это ты их дурачила?

Таня. А вам что?

Григорий. А что ж, думаешь, барыня за это похвалит? Нет, шалишь, теперь попалась. Расскажу твои плутни, коли по-моему не сделаешь.

Таня. И по-вашему не сделаю, и ничего вы мне не сделаете.

Занавес

Действие четвертое
Театр представляет декорацию первого действия.

Явление первое
Два выездных лакея в ливреях. Федор Иваныч и Григорий.

1-й лакей (с семью бакенбардами). Нынче к вам к третьим. Спасибо, в одной стороне приемные дни. У вас прежде по четвергам было.

Федор Иваныч. Затем переменили на субботу, чтобы заодно: у Головкиных, у Граде-фон-Грабе...

2-й лакей. У Щербаковых так-то хорошо, что как бал, так лакеям угощение.

Явление второе
Те же. Сверху сходят княгиня с княжной. Бетси провожает их. Княгиня глядит в книжечку, на часы и садится на ларь. Григорий надевает ей ботики.

Княжна. Нет, ты, пожалуйста, приезжай. А то ты откажешься, Додо откажется – ничего и не выйдет.

Бетси. Не знаю. К Шубиным надо непременно. Потом репетиция.

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

Княжна. Успеешь. Нет, ты пожалуйста. Ne nous fais pas faux bond [24]. Федя будет и Коко.

Бетси. J'en ai par dessus la tête de votre Coco [25].

Княжна. Я думала, что я его здесь найду. Ordinairement il est d'une exactitude... [26]

Бетси. Он непременно будет.

Княжна. Когда я его вижу с тобой, мне кажется, что он только что сделал или вот сделает предложение.

Бетси. Да уж, вероятно, придется пройти через это. И так неприятно!

Княжна. Бедный Коко! Он так влюблен.

Бетси. Cessez, les gens [27].

Княжна садится на диванчик, разговаривая шепотом. Григорий надевает ей ботики.

Княжна. Так до вечера.

Бетси. Постараюсь.

Княгиня. Так скажите папа, что я ничему не верю, но приеду посмотреть его нового медиума. Чтоб он дал знать. Прощайте, ma toute belle [28]. (Целует и уходит с княжной.)

Бетси уходит наверх.

Явление третье

Два лакея, Федор Иваныч и Григорий.

Григорий. Не люблю старух обувать: не перегнется никак, от живота не видит, тычет мимо всё; то ли дело молоденькую – приятно и ножку в руки взять.

2-й лакей. Тоже разбирает.

1-й лакей. Нашему брату этого разбирать не полагается.

Григорий. Отчего ж не разбирать, разве мы не люди? Это они думают, что мы не понимаем; как сейчас разговорились, взглянули на меня, сейчас: ле жан.

2-й лакей. А это что ж?

Григорий. А это значит по-русски: не говори, поймут. За обедом тоже; а я понимаю. Вы говорите: разница, – никакой нет.

1-й лакей. Разница большая, кто понимает.

Григорий. Разницы нет никакой. Нынче я лакей, а завтра, может, и не хуже их жить буду. И за лакеев замуж выходят, разве не бывало? Пойти покурить. (Уходит.)

Явление четвертое

Те же, без Григория.

2-й лакей. А смелый этот у вас молодой человек.

Федор Иваныч. Пустой малый, не способен к службе; в конторщиках был, набаловался. Я и не советовал брату, да барыне понравился – виден для выезда.

1-й лакей. Я бы его к нашему графу, он бы его поставил в точку. Ох! не любит

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
этаких вертунов. Лакей, так будь лакей, звание свое оправдай; а эта гордость не пристала.

Явление пятое

Те же, сверху сбегает Петрищев и достает папироску. Навстречу ему входит Коко Клинген в *ripse-pez*.

Петрищев (в задумчивости). Да, да. Мое второе то же, что «ка». Кар-тож-ка. Мое всё... Да, да... А, Кокоша-Картоша! Откуда?

Коко Клинген. От Щербаковых. Ты вечно глупости...

Петрищев. Нет, ты слушай, шарада: мое первое то же, что «кип», мое второе то же, что «ка», а мое всё далеко гоняет телят.

Коко Клинген. Не знаю, не знаю. И некогда.

Петрищев. А куда тебе еще?

Коко Клинген. Как куда? К Ивиным, спевка, надо быть. Потом к Шубиным, потом на репетицию. Ведь и ты должен быть?

Петрищев. Как же, непременно. И на репетиции и на морковетиции. Ведь то я был дикий, а теперь я и дикий и генерал.

Коко Клинген. Ну, а сеанс вчерашний что?

Петрищев. Умора! Мужик был; но главное дело – всё в темноте. Вово младенцем пищал. Профессор объяснял, а Марья Васильевна разъясняла. Потеха! Жаль, что ты не был.

Коко Клинген. Боюсь, *mon cher* [29]; ты как-то это умеешь шутками отделяваться, а мне всё кажется, что чуть скажу словечко, сейчас повернут так, что я сделал предложение. *Et ça ne m'arrange pas du tout, du tout. Mais du tout, du tout!* [30]

Петрищев. А ты делай предложение с сказуемым, вот ничего и не будет. Так заходи к Вово, вместе поедем на редькотицию.

Коко Клинген. Не понимаю, как ты можешь водиться с таким дураком. Уж так глуп, вот уж истинно шалолай!

Петрищев. А я его люблю. Люблю Вово, но «странную любовь», «к нему не зарастет народная тропа»... (Уходит в комнату Василья Леонидыча).

Явление шестое

Два лакея, Федор Иваныч и Коко Клинген. Бетси провожает даму. Коко значительно кланяется.

Бетси (трясет ему руку, боком к даме). Вы не знакомы?

Дама. Нет.

Бетси. Барон Клинген. Что ж вы вчера не были?

Коко Клинген. Никак не мог, не успел.

Бетси. Жаль, очень было интересно. (Смеется.) Вы бы увидели, какие были *manifestations* [31]. Ну что же, наша шарада подвигается?

Коко Клинген. О да! Стихи на *mon second* [32] готовы, ник сочинил, а я музыку.

Бетси. Как же, как? Скажите.

Коко Клинген. Позвольте, как?.. Да! Рыцарь поет Нанне. (Поет.)

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru

Как прекрасна натура,
Льет на душу мне надежду...
Нанна, Нанна! на, на, на!
Дама. Это mon second на, а mon premier [33] что же?

Коко Клинген. Mon premier – это Аре, – имя дикарки.

Бетси. Аре, это, видите, дикарка, которая хочет съесть предмет своей любви...
(Хохочет.) Она ходит, тоскует и поет:

Ах, аппетит...
Коко (перебивая). Меня мутит...

Бетси (подхватывает).

Кого-то есть желаю.
Хожу, брожу...
Коко Клинген.

Не нахожу...
Бетси.

Кого жевать – не знаю...
Коко Клинген.

Вдали вот плот...
Бетси.

Сюда плывет;
На нем два генерала...
Коко Клинген.

Мы два генерала,
Судьба нас связала,
На остров послала.
И опять refrain [34]:

Судьба нас связала,
На остров посла-а-ла.
Дама. Charmant! [35]

Бетси. Вы поймите, как глупо!

Коко Клинген. В том-то и прелесть.

Дама. Кто же Аре?

Бетси. Я, я костюм сделала, а мама говорит: «Неприлично». А несколько не неприличнее, чем на бале. (К Федору Иванычу.) Что, здесь от Бурдые?

Федор Иваныч. Здесь, на кухне сидит.

Дама. Ну, а арена как же?

Бетси. Да вы увидите. Не хочу вам портить удовольствия. Au revoir [36].

Дама. Прощайте! (Раскланиваются. Дама уходит.)

Бетси (к Коко Клингену). Пойдемте к татап.

Бетси и Коко Клинген уходят наверх.

Явление седьмое
Федор Иваныч, два лакея и Яков (выходит из буфета с подносом, чаем, печеньем; запыхавшись идет через переднюю).

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Яков (лакеям). Мое почтение, мое почтение!

Лакеи кланяются.

(Федору Иванычу.) Хоть бы вы приказали Григорью Михайлычу подсобить. Замучился на отделку... (Уходит.)

Явление восьмое
Те же, без Якова.

1-й лакей. Старательный это у вас человек.

Федор Иваныч. Хороший малый, да вот не нравится барыне, – не виден, говорит, из себя. А тут еще наклепали на него вчера, что он мужиков в кухню пустил. Как бы не разочли! А малый хороший.

2-й лакей. Каких мужиков?

Федор Иваныч. Да пришли из нашей курской деревни землю покупать; дело ночное, да и земляки. Один буфетному мужику отец. Ну и провели их в кухню. А тут случись угадыванье мыслей; спрятали вещь в кухню, пришли все господа, увидала их барыня – беда! Как, говорит, люди, может быть, зараженные, а их в кухню!.. Очень она напугана заразой этой.

Явление девятое
Те же и Григорий.

Федор Иваныч. Пойдите, Григорий, подсобите Якову Иванычу, а я здесь побуду один. Один не поспекает.

Григорий. Неловок, оттого и не поспекает. (Уходит.)

Явление десятое
Те же, без Григория.

1-й лакей. И что это за новая мода пошла нынче – эти заразы!.. Так и ваша боится?

Федор Иваныч. Пуще огня! У нас только заботы теперь, что окуривать, обмывать, обрызгивать.

1-й лакей. То-то я слышу дух такой тяжелый. (С оживлением.) Ни на что не похоже, какие грехи с этими заразами. Скверно совсем! Даже бога забыли. Вот у нашего барина сестры, княгини Мосоловой, дочка умирала. Так что же? Ни отец, ни мать и в комнату не вошли, так и не простились. А дочка плакала, звала проститься, – не вошли! Доктор какую-то заразу нашел. А ведь ходили же за нею и горничная своя и сиделка – и ничего, обе живы остались.

Явление одиннадцатое
Те же, Василий Леонидыч и Петрищев (выходят из двери с папиросками).

Петрищев. Да пойдем же, я только Кокошу-Картошу захвачу.

Василий Леонидыч. Болван твой Кокоша! Я тебе скажу, терпеть его не могу. Вот пустой-то малый, настоящий полотер! Ничем не занят, только шляется. А, что?..

Петрищев. Ну, так погоди, все-таки я прощусь.

Василий Леонидыч. Ну, хорошо, я пойду собак посмотрю, в кучерскую. Кобель один, так так зол, что кучер говорит, чуть не съел его. А, что?

Петрищев. Кто кого съел? Неужели кучер съел кобеля?

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru

Василий Леонидыч. Ну, ты вечно... (Одевается и уходит.)

Петрищев (задумчиво). Ма-кин-тож, кар-тож-ка... Да, да. (Идет вверх.)

Явление двенадцатое

Два лакея, Федор Иваныч и Яков (пробегают через сцену в начале и конце явления).

Федор Иваныч (Якову). Чего еще?

Яков. Тартинок нет! Я говорил... (Уходит.)

2-й лакей. А вот еще у нас барчук заболел. Так сейчас свезли его в гостиницу с нянькой, так там без матери и помер.

1-й лакей. То-то греха не боятся! Я полагаю, что от бога никуда не уйдешь.

Федор Иваныч. И я так думаю.

Яков бежит вверх с тартинками.

1-й лакей. И то возьмите во внимание, что ежели теперь так всех бояться, то надо запереться в четырех стенах, как в тюрьме ровно, да так и сидеть.

Явление тринадцатое

Те же и Таня, потом Яков.

Таня (кланяется лакеям). Здравствуйте!

Лакеи кланяются.

Федор Иваныч! мне вам два слова сказать.

Федор Иваныч. Ну, что?

Таня. Да пришли, Федор Иваныч, мужички опять.

Федор Иваныч. Ну так что же? Бумагу-то ведь я Семену отдал...

Таня. Бумагу я им отдала. Уж как благодарят-то, и ве знаю как. Теперь только просят деньги от них принять.

Федор Иваныч. Да где они?

Таня. Тут, у крыльца стоят.

Федор Иваныч. Ну что ж, я скажу.

Таня. Да еще просьба моя к вам, батюшка Федор Иваныч.

Федор Иваныч. Что еще?

Таня. Да что, Федор Иваныч, мне уж оставаться нельзя здесь. Попросите, чтоб отпустили меня.

Яков вбегает.

Федор Иваныч (Якову). Что ты?

Яков. Самовар другой да апельсины.

Федор Иваныч. У экономки спроси.

Яков убегает.

Это что ж так?

Таня. Да ведь как же! Теперь мое дело такое.

Яков (вбегая). Апельсинов мало.

Федор Иваныч. Подай, что есть.

Яков убегает.

Не время ты выбрала: ведь видишь, суета...

Таня. Да ведь сами знаете, Федор Иваныч, этой суете угомону не бывает, сколько ни жди, – вы сами знаете, – а ведь мое дело навек... Вы, батюшка Федор Иваныч, как мне добро такое сделали, будьте отец родной, выберите времечко, скажите. А то рассердится, билет не даст.

Федор Иваныч. Да что же тебе так загорелось?

Таня. Да как же, Федор Иваныч, дело теперь сладилось... Я бы к маменьке, к крестной поехала, приготовилась бы. А на красную горку и свадьба. Скажите, батюшка Федор Иваныч!

Федор Иваныч. Ступай теперь – не место тут.

Явление четырнадцатое

Сверху сходит барин (пожилой) и молча уходит со 2-м лакеем. Таня уходит. Федор Иваныч, 1-й лакей и Яков (входит).

Яков. Что же, Федор Иваныч, это обида живая! Теперь меня расчесть хочет. Ты, говорит, все колотишь, Фифку забыл и против моего приказания мужиков в кухню пустил. А вы сами знаете: я ничего знать не знаю! Только сказала мне Татьяна: проведи в кухню, а я не знаю, по чьему приказу.

Федор Иваныч. Что ж, разве она говорила?

Яков. Сейчас говорила. Уж вы заступитесь, Федор Иваныч! А то семейство только стало поправляться, а тут сойдешь с места, когда-то опять попадешь. Федор Иваныч, пожалуйста!

Явление пятнадцатое

Федор Иваныч, 1-й лакей и барыня провожают старую графиню с фальшивыми волосами и зубами. Графиню одевает 1-й лакей.

Барыня. Непременно, как же? Я так истинно тронута.

Графиня. Кабы не нездоровье, я бы чаще у вас бывала.

Барыня. Право, возьмите Петра Петровича. Он груб, но никто так не может успокоить; так просто, ясно у него все.

Графиня. Нет, уж я привыкла.

Барыня. Осторожнее.

Графиня. Merci, mille fois merci [37].

Явление шестнадцатое

Те же и Григорий, растрепанный, в волнении, выскакивает из буфета. За ним виден Семен.

Семен. А ты к ней не приставай.

Григорий. Я тебя, мерзавца, научу, как драться! Ах ты, негодяй!

Барыня. Что это такое? Что вы, в кабаке, что ли?

Григорий. Не могу жить от этого мужика грубого.

Барыня (с досадой). Вы с ума сошли, разве вы не видите. (К графине.) Merci, mille fois merci. A mardi [38].

Графиня и 1-й лакей уходят.

Явление семнадцатое

Федор Иваныч, барыня, Григорий и Семен.

Барыня (к Григорию). Что такое?

Григорий. Я хоть в должности лакея, но я имею свою гордость и не позволю всякому мужику меня толкать.

Барыня. Да что такое случилось?

Григорий. Да вот Семен ваш набрался храбрости, что он с господами сидел. Драться лезет.

Барыня. Что такое? За что?

Григорий. А бог его знает.

Барыня (к Семену). Что это такое значит?

Семен. Что ж он к ней пристаёт?

Барыня. Да что у вас было?

Семен (улыбаясь). Да так, он Таню, горничную, все хватает, а она не хочет. Вот я его отстранил рукой... так, маленько.

Григорий. Хорошо отстранил, чуть ребра не сломал. И фрак разорвал. Да ведь он что говорит: «На меня, говорит, по-вчерашнему, сила нашла», и начал давить.

Барыня (к Семену). Как ты смеешь драться в моем доме?

Федор Иваныч. Позвольте доложить, Анна Павловна, надо вам сказать, что Семен имеет чувства к Тане, и как они теперь сосватаны, а Григорий – что ж, надо правду сказать – обращается нехорошо, неблагородно. Ну, вот Семен, я полагаю, и обиделся на него,

Григорий. Совсем нет; это из-за злобы, что я плутовство их все открыл.

Барыня. Какое плутовство?

Григорий. А в сеансе. Все вчерашние штуки не Семен, а Татьяна делала. Я сам видел, как она из-под дивана лезла.

Барыня. Что такое из-под дивана лезла?

Григорий. Честное слово могу дать. Она и бумагу принесла и кинула на стол. Кабы не она, бумагу не подписали бы и мужикам землю не продали бы.

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Барыня. Вы сами видели?

Григорий. Своими глазами. Прикажите позвать ее, она не отопрется.

Барыня. Позовите ее.

Григорий уходит.

Явление восемнадцатое

Те же, без Григория. За сценой шум, голос швейцара: «Нельзя, нельзя!»
Показывается швейцар, мимо него врываются три мужика. Впереди 2-й мужик, 3-й мужик спотыкается, падает и хватается за нос.

Швейцар. Нельзя, идите!

2-й мужик. Авань не беда. Разве мы за худым чем? – мы денежки отдать.

1-й мужик. Двистительно, как за подписью руки приложенья, дело в окончании, мы только денежки предоставить с нашей благодарностью.

Барыня. Погодите, погодите благодарить, все это был обман. Еще не кончено. Не продано еще. Леонид! Позовите Леонида Федоровича.

Швейцар уходит.

Явление девятнадцатое

Те же и Леонид Федорович выходит, но, увидав барыню и мужиков, хочет уйти назад.

Барыня. Нет, нет, пожалуйста сюда! Я говорила вам, что нельзя продавать землю в долг, и все вам говорили. А вас обманывают, как самого глупого человека.

Леонид Федорович. То есть в чем? Я не понимаю, какой обман.

Барыня. Стыдились бы вы! Вы седой, а вас, как мальчишку, обманывают и смеются над вами. Жалеете для сына какие-нибудь триста рублей для его общественного положения, а самих вас, как дурака, проводят на тысячи.

Леонид Федорович. Да ты, Annette, успокойся.

1-й мужик. Мы только в получении суммы, значит...

3-й мужик (достаёт деньги). Отпусти ты нас, ради Христа!

Барыня. Погодите, погодите.

Явление двадцатое

Те же, Григорий и Таня.

Барыня (строго к Тане). Ты была вчера вечером во время сеанса в маленькой гостиной?

Таня, вздыхая, оглядывается на Федора Иваныча, Леонида Федоровича и Семена.

Григорий. Да уж нечего вилять, когда я сам видел...

Барыня. Говори, была? Я знаю все, признавайся. Я тебе ничего не сделаю. Мне только хочется уличить вот его (указывает на Леонида Федоровича), барина... Ты кинула бумагу на стол?

Таня. Я не знаю, что и отвечать. Одно, что нельзя ли меня домой отпустить?

Барыня (к Леониду Федоровичу). Вот видите, вас дурачат.

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Явление двадцать первое
Те же. Входит Бетси в начале явления и стоит незамеченная.

Таня. Отпустите меня, Анна Павловна!

Барыня. Нет, милая! Ты ведь, может быть, убытку сделала на несколько тысяч. Продали землю, которую не надо было продавать.

Таня. Отпустите меня, Анна Павловна.

Барыня. Нет, ты ответишь. Плутовать нельзя. К мировому судье подам.

Бетси (выступая). Отпустите ее, мама. А коли вы хотите ее судить, то и меня вместе с ней, – я с ней вместе вчера все делала.

Барыня. Ну, да уж когда ты, то, кроме самого гадкого, ничего и быть не могло.

Явление двадцать второе
Те же и профессор.

Профессор. Здравствуйте, Анна Павловна! Здравствуйте, барышня! А я вам несу, Леонид Федорович, отчет о тринадцатом съезде спиритуалистов в Чикаго. Удивительная речь Шмита.

Леонид Федорович. А, очень интересно!

Барыня. Я вам гораздо интереснее расскажу. Оказывается, что и вас и мужа дурачила эта девчонка. Бетси на себя говорит, но это чтоб дразнить меня; а дурачила вас безграмотная девчонка, а вы верите! Вчера никаких ваших медиумических явлений не было, а это она (указывая на Таню) все делала.

Профессор (раздеваясь). Как, то есть?

Барыня. Да так, что она в темноте и на гитаре играла, и мужа по голове била, и все глупости ваши делала, и сейчас призналась.

Профессор (улыбаясь). Так что же это доказывает?

Барыня. Доказывает, что ваш медиумизм – вздор! Вот что доказывает.

Профессор. Оттого, что эта девушка хотела обманывать, от этого медиумизм – вздор, как вы изволите выразиться? (Улыбаясь.) Странное заключение! Очень может быть, что девушка эта хотела обманывать: это часто бывает; может быть, она что-нибудь и делала, но то, что она делала, – делала она, то, что было проявлением медиумической энергии, – было проявлением медиумической энергии. Даже весьма вероятно, что то, что делала эта девушка, вызывало, соллипитировало, так сказать, проявление медиумической энергии, давало ей определенную форму.

Барыня. Опять лекция!..

Профессор (строго). Вы говорите, Анна Павловна, что эта девушка, может быть, и эта милая барышня что-то делали; но свет, который мы все видели, а в первом случае понижение, а во втором – повышение температуры, а волнение и вибрирование Гросмана, – что же, это тоже делала эта девушка? А это факты, факты, Анна Павловна! Нет, Анна Павловна, есть вещи, которые надо исследовать и вполне понимать, чтобы говорить о них, – вещи слишком серьезные, слишком серьезные...

Леонид Федорович. А дитя, которое ясно видела Марья Васильевна! Да и я видел... Это не могла же сделать эта девушка.

Барыня. Вы думаете, что вы умны, а вы – дурак!

Леонид Федорович. Ну, я уйду. Алексей Владимирович, пойдите ко мне. (Уходит в кабинет.)

Профессор (пожимая плечами, идет за ним). Да, как еще мы далеки от Европы!

Явление двадцать третье .

Барыня, три мужика, Федор Иваныч, Таня, Бетси, Григорий, Семен и Яков (входит).

Барыня (вслед Леониду Федоровичу). Обманули его, как дурака, а он ничего не видит. (Якову.) Тебе что?

Яков. На много ли персон прикажете накрывать?

Барыня. На много ли?.. Федор Иваныч! Принять от него серебро! Вон сейчас! От него всё. Этот человек меня в гроб сведет. Вчера чуть-чуть не заморил собачку, которая ничего ему не сделала. Мало ему этого, он же зараженных мужиков вчера в кухню завел, и опять они здесь. От него всё! Вон, сейчас вон! Расчет, расчет! (Семену.) А если ты себе вперед позволишь шуметь в моем доме, я тебя, скверного мужика, выучу!

2-й мужик. Да что же, коли он скверный мужик, так и держать его нечего, а давай расчет, вот и все.

Барыня (слушая его, вглядывается в 3-го мужика). Да смотрите: у этого сыпь на носу, сыпь! Он больной, он резервуар заразы!! Ведь я вчера говорила, чтобы их не пускать, и вот они опять тут. Гоните их вон!

Федор Иваныч. Что же, не прикажете деньги принять?

Барыня. Деньги? Деньги возьми, но их, особенно этого больного, вон, сию минуту вон! Он совсем гнилой!

3-й мужик. Напрасно ты, мать, ей-богу, напрасно. У моей старухи, скажем, спрости. Какой я гнилой? Я, как стеклышко, скажем.

Барыня. Еще разговаривает?.. Вон, вон! Все назло!.. Нет, я не могу, не могу! Пошлите за Петром Петровичем. (Убегает, всхлипывая.)

Яков и Григорий уходят.

Явление двадцать четвертое

Те же, без барыни, Якова и Григория.

Таня (к Бетси). Барышня, голубушка, как же мне быть теперь?

Бетси. Ничего, ничего. Поезжай с ними, я устрою. (Уходит.)

Явление двадцать пятое

Федор Иваныч, три мужика, Таня и швейцар.

1-й мужик. Как же, почтенный, получение суммы теперича?

2-й мужик. Отпусти ты нас.

3-й мужик (мнется с деньгами). Кабы знать, я ни в жисть не взялся бы. Это засушит хуже лихой болести.

Федор Иваныч (швейцару). Проводи их ко мне, там и счета есть. Там и получу. Идите, идите.

Швейцар. Пойдемте, пойдемте.

Федор Иваныч. Да благодарите Таню. Кабы не она, быть бы вам без земли.

1-й мужик. Двистительно, как изделала предлог, так и в действие произвела.

3-й мужик. Она нас людьми изделала; а то бы что? земля малая, не то что скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда. Прощевай, умница! Приедешь на село,

Плоды просвещения. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
приходи мед есть.

2-й мужик. Дай домой приеду, свадьбу готовить стану, пиво варить. Только приезжай.

Таня. Приеду, приеду! (Визжит.) Семен! То-то хорошо-то!

Мужики уходят.

Явление двадцать шестое
Федор Иваныч, Таня и Семен.

Федор Иваныч. С богом. Ну, смотри, Таня, когда домком заживешь, я приеду к тебе погостить. Примешь?

Таня. Голубчик ты мой, как отца родного примем! (Обнимает и целует его.)

Занавес

Конец

Примечания

1
пенсне (фр.)

2
корректный (фр.)

3
Игра слов: не столько у мамы Гасовой, сколько у папы Гасова, и даже не папы Гасова, а у сына Гасова

4
игры слов? (франц.)

5
Перестаньте, вы становитесь невыносимы! (франц.)

6
J'ai cessé (франц.) – я перестал. Далее игра созвучий. J'ai bébé (франц.) –
букв.: я имею малютку.

7
преувеличенная стыдливость (франц.)

8
плотный завтрак (франц.)

9
Готово (франц.)

10
Скажите, ему платят? (франц.)

11
Не смогу вам сказать (франц.)

12

Он из господ? (франц.)

13

О, да (франц.)

14

Это сверхъестественно. Не правда ли? Как это он находит? (франц.)

15

Не могу вам сказать. Мой муж вам это объяснит... Простите... (франц.)

16

Поразительный! (франц.)

17

Восхитительно! Ему не больно? (франц.)

18

Ничуть (франц.)

19

У вас счастливая рука (франц.)

20

А он очень хорош (франц.)

21

деверь (франц.)

22

кувырком (франц.)

23

я остаюсь при своем мнении (франц.)

24

Не обмани (франц.)

25

Мне до смерти надоел ваш коко (франц.)

26

Обычно он точен... (франц.)

27

Перестань, прислуга (франц.)

28

моя красавица (франц.)

29

Мой дорогой (франц.)

30

А это мне нисколько не улыбается, нисколько, нисколько! (франц.)

31

проявления (франц.)

32

мое второе (франц.)

33

мое первое (франц.)

34

припев (франц.)

35

Прелестно! (франц.)

36

До свиданья (франц.)

37

Благодарствуйте, тысячу раз благодарствуйте (франц.)

38 Благодарствуйте, тысячу раз благодарствуйте. До вторника (франц.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://to1stoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!